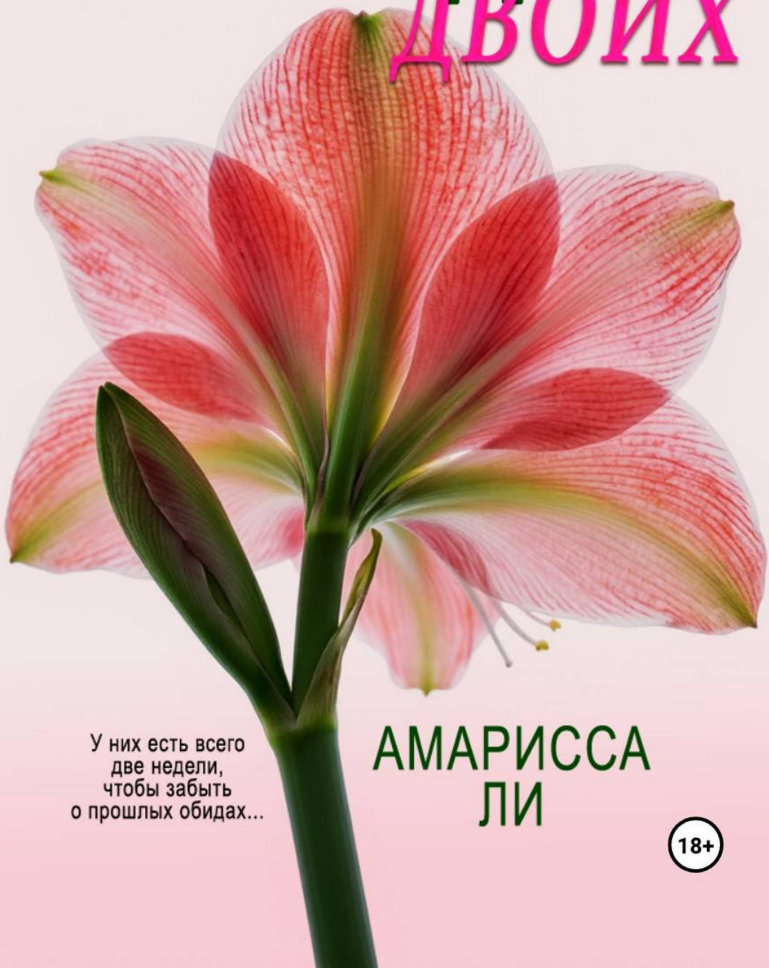

МЕЛОДИЯ ДВОИХ

У них есть всего
две недели,
чтобы забыть
о прошлых обидах...

АМАРИССА
ЛИ

18+

Амарисса Ли

Мелодия двоих

<https://litres.ru/74186862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Две недели на курсах цветоводства, чтобы помочь маме. Одна проблема: её наставник — Саша Фихнеев.

В школе он называл её «анисимовской подстилкой» и делал всё, чтобы Полина его ненавидела. И у него отлично получалось. До выпускного.

А теперь она снова вынуждена дышать с ним одним воздухом. В оранжерее, где цветы пахнут горечью прошлого. Где её мама — начальник, а он — лучший сотрудник. Где она понятия не имеет, как пересаживать амариллис, а он... он знает всё.

Саша Фихнеев изменился. Или просто притворяется? Полина не верит. Но когда по щеке катится первая слеза сочувствия, а его руки слишком крепко обнимают посреди ночи, становится страшно по-другому.

Она боялась, что он сломает её сердце. Он боялся, что она увидит настоящее.

Содержание

ГЛАВА 1: ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ	4
ГЛАВА 2: ВСТРЕЧА В ОРАНЖЕРЕЕ	16
ГЛАВА 3: НЕУДАЧНЫЙ ФЛИРТ	38
ГЛАВА 4: СОВМЕСТНАЯ РАБОТА: АМАРИЛЛИС	57
ГЛАВА 5: МЫСЛИ И РАЗГОВОР	80
ГЛАВА 6: КАРЬЕРЫ: ПЛЯЖ И СОЛНЦЕ	96
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Амарисса Ли

Мелодия двоих

ГЛАВА 1: ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ

— Я могла бы подменить тебя в оранжерее, пока ты в отъезде.

Полина отложила вилку в сторону, внимательно глядя на маму, которая замерла с бокалом вина у рта и расширила глаза от удивления.

«Да, мам, я тоже не ожидала, что готова помочь тебе», — подумала Полина Иванова, поглядывая на мать в томительном ожидании.

Она готовилась к этому разговору по меньшей мере неделю. Не знала, как правильно подступиться, чтобы заполучить это место, которое, как ей казалось, могло достаться только ей, а не кому-то другому.

Например, её заместителю — Георгию Смышляеву. Или вообще третьему лицу.

Полина считала, что отлично бы справилась с поставленной задачей — присмотром за оранжереей во время её от-

сутствия.

Однако выражение лица мамы оставляло желать лучшего. Та не была впечатлена этой идеей.

Ольга поставила бокал на стол и промокнула рот салфеткой.

— Ты серьёзно? — спросила она, выглядя действительно удивлённой предложением дочери.

Мать Полины, Ольга Игоревна, была биологом с несколькими научными степенями с уклоном в ботанику. Она являлась преподавателем в государственном университете вот уже двадцать лет. Около пяти лет назад, когда ей наконец утвердили план об основании одной из самых крупных оранжерей в России, она с головой ушла в строительство и обустройство нового любимого дела.

Ольга, которая души не чаяла в своём увлечении, вкладывалась по максимуму. Изначально она заведовала маленьким ботаническим садом при государственном университете, но теперь её место заняла более молодая, перспективная аспирантка, которую она воспитала в соответствии со своими взглядами.

Сейчас у Ольги была своя оранжерея, в несколько раз больше университетской, которой она очень гордилась.

По истечении пяти лет семья Ивановых, состоящая из двух человек, стала довольно популярной. Огромное пространство, выделенное под строительство оранжереи, сначала заняла одна постройка, а потом пришлось достраивать

ещё две, чтобы вместить всё, что придумала Ольга.

Она воодушевлённо и слишком ответственно подходила к своему делу.

Прошлым летом, когда состоялось открытие третьего корпуса, она получила извещение о том, что сам губернатор края решил посмотреть на труды и вложенные финансы, выделенные из регионального и даже немного федерального бюджета. Ольга сделала всё, чтобы мужчина остался доволен.

И впрямь, он отзывался положительно и даже порекомендовал благоустроить подъезд для машин и выложить дорожки для удобства посетителей, которые захотят ознакомиться с местной флорой.

Ольга должна была уехать в Москву на повышение квалификации. Это стандартная процедура для всех педагогов. В этот раз ей предложили посетить несколько ботанических садов, поэтому её недельная поездка могла затянуться аж на десять дней. Она боялась оставлять оранжерею только на ассистентов — не была уверена, что они смогут присмотреть за этим делом.

Хотя Георгий, старший ассистент, был далеко не глуп и сумел зарекомендовать себя с лучшей стороны, что давало надежду: оранжерея не успеет погибнуть в отсутствие хозяйки.

Ольга доверяла своей дочери, потому что та росла по её стопам, однако не была уверена, что та сможет присматри-

вать абсолютно за всеми растениями. Полина любила цветоводство и провела много времени на огороде в деревне, где смогла построить свой маленький сад. Она следила за ним тщательно, ухаживая за растениями, как за собой.

Но... были сомнения, поселившиеся, когда Полина забросила свой растущий сад на самом рассвете восхождения. Она перестала приезжать в деревню, ссылаясь на излишнюю занятость в университете, и Ольга понимала её, поэтому старалась по минимуму поддерживать состояние живых существ, чтобы не дать им умереть.

Полина училась на втором курсе университета по направлению «Литературное творчество». Она хотела бы стать переводчиком литературы, поэтому подала туда документы, напрочь игнорируя совет Ольги пойти по биологическому направлению.

И сейчас, когда Полина практически не занималась садоводством, Ольгу встревожило предложение о замещении. Дочь совсем ничего не знала в оранжерее, наведываясь туда только по важным и срочным вопросам, которые не терпели отлагательств. Чаще всего они были связаны с учёбой. Полина слишком мало проводила времени с растениями, чтобы следить за порядком в трёх корпусах.

Сомнения, сомнения, сомнения.

— Почему нет? — Полина облизала губы, опуская взгляд на стол. Она нервничала, и у неё были на то причины. — Ты же помнишь, что я хорошо умею обращаться с растениями.

— Тебе было семнадцать, когда ты в последний раз ухаживала за садом у бабушки, — Ольга поджала губы в недовольстве. Она понимала, что этот разговор может превратиться в ссору между матерью и дочерью.

Хотя Полина знала, что мама никогда не доверит ей дело всей своей жизни. Она мечтала о создании целого ботанического мира, где никому нет места, кроме неё.

Разумеется, Ольга думала, что Полина погубит её хобби.

— И что? Мам, ты знаешь, почему я перестала ездить в деревню. Сейчас у меня каникулы, и я бы с удовольствием помогла тебе, — Полина постаралась мягко улыбнуться, не обращая внимания на появившуюся в воздухе напряжённость.

— Я... Там три огромные оранжереи, милая. Ты уверена, что справишься? Георгий мог бы присмотреть за ними в моё отсутствие.

Она выглядела взволнованной и напряжённой.

Полина вдруг кивнула, соглашаясь со словами мамы.

Она не знала наверняка, что справится со всем объёмом работы, но ей было интересно попытаться сделать что-то, чтобы завоевать внимание и похвалу матери. Она и так была недовольна выбранным факультетом, а тут хороший вариант найти взаимопонимание.

— Не сомневаюсь, что твой ухажёр справится со своей работой, — фыркнула Полина, опираясь спиной на стул и складывая руки под грудью.

Ольга часто заморгала, начиная смущаться от фразы до-

чери. Она чувствовала себя пойманной с поличным, и ей это очень не понравилось. Она хотела бы сохранить этот секрет до более удобного случая, чтобы поговорить с Полиной как со взрослым человеком, который должен понимать, что её мать в самом расцвете лет и не должна быть одна.

— Не говори так, — сказала Ольга, делая глоток вина. — Он хороший сотрудник.

— Он хороший кавалер для похода в театр и ресторан, мам, — вздохнула Полина, прикрывая глаза. — Сколько ему лет? Тридцать? Он очень молод для старшего ассистента.

— Это тебя не касается, Полина, — отрезала Ольга, начиная буравить дочь недовольным взглядом.

— Ты могла бы рассказать мне, а не ходить на тайные свидания.

Полина случайно заметила маму в компании Георгия несколько недель назад. Они выходили из ресторана, который находился в трёх кварталах от университета.

По случайности, Полина ходила в кофейню напротив этого отнюдь не дешёвого места.

Это было самое удивительное происшествие: она решила отметить окончание сессии вместе с девочками за чашечкой кофе с вишнёвым маффином. Девушки ещё не успели добраться до кофейни — оставалось около пятидесяти метров, — как Полина заметила, что Георгий держит маму за руку, а потом и вовсе целует тыльную сторону её ладони, усаживая в свою машину.

Это казалось сюрреализмом. Глупым сном, из которого хотелось быстрее проснуться, но Полина больно щипнула себя за локоть, вздрагивая и кривя губы от боли.

Это не был сон.

Они действительно были практически той самой влюблённой парочкой, которую можно встретить на улицах города.

И ей стало почти тошно от этого.

Почему единственный близкий человек Полины скрывал от неё такие радостные новости?

Полина была бы искренне рада за маму, узнав, что в её жизни наконец появился мужчина, на которого можно опереться. Если бы узнала от неё.

Ольга всю жизнь была одна, за исключением кратковременных романов, которые не заканчивались ничем хорошим. Например, разочарованием.

Теперь, когда Полина совершенно случайно узнала об их романе, внутри оборвалась ниточка доверия. Неужели мама не могла признаться в этом? Это не страшно — любить своего помощника. И она бы ни в коем случае не стала осуждать мать за выбор. Это её жизнь, и Полина могла бы пожелать только счастья.

И крепких отношений с любящим мужчиной.

— Я ждала подходящего случая, — ответила Ольга, беря вилку с ножом в руки и продолжая вечернюю трапезу.

— Отлично. Сейчас как раз тот случай, когда тебе нуж-

но сказать мне, что за хрень происходит между тобой и Георгием, — вспыхнула Полина, заслуживая неодобрительное покачивание головы.

— Подбери выражения, милая, — Ольга оставалась бесстрастной. Она старательно пережёвывала запечённое мясо, приготовленное Полиной, вкушая аромат специй и пряностей. — У меня есть... определённые отношения с Георгием.

— И как давно у тебя есть определённые отношения с Георгием?

Полина едва не поморщилась от собственной желчи. В первую очередь она не должна была забывать, с кем говорит, — с мамой, которая подарила ей жизнь.

Но Ольга осталась спокойна, несмотря на саркастический тон дочери.

— Несколько месяцев. Может, три.

— И почему именно он?

— Не знаю. А почему нет, Полина? Он приятный молодой мужчина, с которым я чувствую себя счастливой.

— Я не против ваших отношений. Просто я хотела бы знать, почему ты держала это в секрете. Мы же договаривались с тобой, что будем рассказывать друг другу обо всём, — Полина обиженно поджала губы, вспоминая тот случай, когда мама поймала её с сигаретой в руках.

После того как Полина окончила девятый класс, она хотела уйти в техникум на кондитера. Она не видела свою жизнь в десятом классе, потом на экзаменах, после которых насту-

пило бы время института.

Она не желала учиться в десятом и одиннадцатом классах, как наставляла матушка. Ей хотелось совершенно другой жизни: разгульной, взбалмошной и немного рискованной.

Она связалась с не очень хорошей компанией старшеклассников, где её научили правильно курить, затягиваясь в лёгкие, и пить алкоголь до состояния «глаза в разбежку».

Шестнадцатилетняя Полина превратилась в несдержанного, истеричного и отвязного подростка, над которым не было управы.

Ольга пыталась влиять на дочь только с положительной стороны, но понимала, что её слова недостаточно влиятельны для более жёсткого воспитания.

Тогда она увидела в ней характерные черты мужчины, которого когда-то любила. Отца Полины.

Их невозможно было ни с чем спутать. Да и со временем, когда Полина выросла и преобразалась, превращаясь в копию матери, она не подозревала о своём главном недостатке.

Единственное, что отличало дочь от матери, — это глаза насыщенного голубого оттенка, которые могли меняться от света или погоды. Они варьировались от тускло-серого до ярко-голубого.

Ольга искренне ненавидела этот миндалевидный разрез глаз, обрамлённый пушистыми ресницами.

Он напоминал ей дурную молодость, в которую она безот-

ветно влюбилась во взрослого (по тем меркам для неё) мужчину. Он не хотел семьи. Не хотел ребёнка. Он хотел гулять и быть свободным.

Но... появилась Полина.

— Ты же знаешь, я давно не ходила на свидания, — вдруг начала Ольга, смачивая горло вином. — Мне нужен рядом мужчина.

— Мам, я хочу, чтобы ты была счастлива, но... Ты уверена в нём?

— Да, — быстро ответила Ольга, а потом добавила, немного обдумав вопрос: — Думаю, что да.

— Тогда нам нужно будет познакомиться всем вместе, — Полина мягко улыбнулась, делая глубокий вдох. — А... Оранжерея...

— Я подумала, — Ольга покачала головой из стороны в сторону, собираясь с мыслями. — Может, тебе сходить на наши курсы? Помнишь, мы каждое лето устраиваем их для всех желающих?

— Мам? Зачем мне посещать курсы, которые я составляла вместе с тобой? — Полина выгнула бровь в недоумении.

Она не хотела становиться заложницей клуба под названием «Сады — это наше всё». Полина принимала активное участие в составлении программы, делая её достаточно разнообразной и интересной. Она знала, что сперва необходимо познакомиться с маленькими, неприхотливыми растениями, чтобы постепенно переходить к более сложным.

— Я немного преобразовала эти курсы и ввела несколько новых заданий, так что ты не всё знаешь. Тем более в этом году маленькая группа — десять человек, включая тебя.

— Мам? — не унималась Полина, не понимая, к чему клонит Ольга.

Она нервно заёрзала на стуле. Полина прищурилась, проводя влажными ладонями по коленям.

— Ты бы проводила полный рабочий день в оранжереях с пользой, Поль. Ты давно не следила за цветами. Просто... Я сомневаюсь, что тебе удастся присмотреть за моим хозяйством в полной мере. Ты была бы полезна Георгию, пока он останется вместо меня.

— Не может этого быть. Серьёзно? — воскликнула девушка, округляя глаза. — То есть мне, своей дочери и первой помощнице во всех делах, ты отказываешь, а...

Ольга подняла ладонь, останавливая словесный поток Полины, и та понятиливо закрыла рот. Это было семейное правило.

Если глава семьи, в данном случае Ольга, поднимала руку, значит, остальные должны были моментально успокоиться и выслушать.

— Нет! Я не отказываю тебе, Полина! Я говорю тебе, что твоя помощь нужна не в присмотре, а в работе. Курсы помогут тебе вспомнить былое. Я была бы рада видеть тебя там.

— Мам, это безумие, — выдохнула девушка, качая головой. — Ты же знаешь, что это просто... безумно!

Она не могла подобрать слов, чтобы описать свою злость. Полина не то чтобы не хотела участвовать в программе мамы — она боялась, что это её засосёт настолько, что она пожалеет о сделанном выборе в пользу переводчика литературы. Флора была богаче и краше, чем могло показаться с первого взгляда. К ней требовался основательный и нежный подход, который был не у всех.

Но он имелся у Полины. Она словно родилась для возни с землёй.

Полина любила переводческое дело наравне с цветами, но... Она боялась.

— Подумай над моим предложением. Первый урок в понедельник, — сказала Ольга, внутренне надеясь, что дочь послушает её совет и поступит правильно.

ГЛАВА 2: ВСТРЕЧА В ОРАНЖЕРЕЕ

Понедельник наступил быстрее, чем могла представить Полина.

Она ужинала с мамой вечером в субботу, поэтому рассчитывала, что воскресенье замедлит время, позволяя ей основательно подумать над её предложением.

С одной стороны, она действительно хотела помочь маме в оранжерее, потому что знала: мама может положиться на неё, если Полина с головой погрузится в цветоводство и возьмёт на себя управление несколькими теплицами. Полина успешно справлялась бы со своими обязанностями, избавляя маму от головной боли.

С другой стороны, Полина понимала, что садоводство слишком затянет её, и она, выйдя на очную учёбу, не сможет посвящать хобби столько времени, сколько сейчас. Она не могла просто взять и подвести маму, сыграв свою временную роль в уходе за растениями.

Поэтому, когда она проснулась с первым будильником, который стоял ровно на восемь тридцать утра, Полина пришла к неутешительному выводу: она должна попробовать себя на этих курсах, чтобы понять, сможет ли помогать маме в том объёме, о котором уверенно заявляла в субботний вечер.

Она надела короткие лосины, большую футболку и завязала волосы в небрежный пучок. Полина вышла на завтрак, встречая удивлённый и слегка встревоженный взгляд мамы.

Однако через секунду женщина расплылась в понимающей улыбке.

— Доброе утро, Полина. Ты всё же решила посетить наш клуб цветоводства?

Ехидство, скользнувшее между строк, заставило Полину промычать нечленораздельное «ага, у меня как будто был выбор».

Был, но не в мамину пользу. Был, но не доказывающий, что Полину можно считать тем человеком, который сможет помочь в важном деле.

Она быстро соорудила завтрак, довольствуясь быстро заваривающейся овсянкой и кусочками банана.

— Тогда выезжаем через двадцать минут. Милая, не забудь взять фартук и халат! — сказала мама, оставляя кружку из-под кофе в мойке.

Полина хмыкнула. Конечно, она не забыла взять с собой фартук. Она положила его в рюкзак первым делом. Она бы с удовольствием взяла халат, но в нём будет слишком жарко, да и непрактично. Возможно, когда станет немного прохладнее, Полина подумает об этом.

Она приговорила овсянку и банан за десять минут, залипая на стену и думая о том, правильный ли она сделала выбор. Полина не особо хотела посещать этот клуб, считая его

основой для начинающих в цветоводстве. Она не была новичком, поэтому наперёд знала, что будет опережать программу.

Полина надела солнцезащитные очки на голову, подхватила лямку рюкзака и вышла из комнаты. Мама уже обувала босоножки на тонком каблуке.

Она скептически осмотрела платье-футляр до колена и выбранную обувь. Ольга словно собиралась на свидание, но ей безумно шёл такой стиль.

Она будто молодела, при этом скрывая недостатки в фигуре, которых практически не было.

Полина ограничилась кедами на плоской подошве.

Она не выспалась, потому что до позднего вечера переписывалась со своим другом Никитой. Он был удивлён, узнав, что Полина решила согласиться на условия Ольги, но охотно поддержал её в этом, пусть и не особо восхищался увлечением семьи Ивановых, считая его почти бесполезным и безнравственным. Он ничего не смыслил в этом, так что она не стала вступать в нудный спор.

— У меня сегодня две пересдачи, потом смогу забрать тебя на обед, — сказала Ольга, когда они сели в машину.

— Сколько по времени длятся курсы? — спросила Полина, пристёгивая ремень безопасности.

— С десяти до четырёх, но некоторым позволено быть дольше.

— Некоторым? — она вскинула брови, поворачиваясь к

маме.

— Да, там есть несколько человек, кто трудится над нашими теплицами уже более года, и они неплохо справляются со своей работой, поэтому я благодарна им за сотрудничество.

Они выехали из двора девятиэтажных панелек в спальном районе, сразу же врезаясь в утреннюю суетливую ситуацию на дорогах.

— Ого, почему ты молчала?

Полина была немного удивлена, потому что не думала, что есть люди, которым действительно нравится это занятие. Оно было немного старомодным и не таким лёгким, как могло показаться на первый взгляд. Молодёжь стремилась к другим развлечениям: путешествия, блогинг, музыка, театральное искусство.

— Не знаю, но я как раз спросила у Риты, хотела бы она работать на полную ставку после того, как окончит университет. Она сказала, что после учёбы уезжает в другой город поступать в магистратуру, так что отказалась, но я видела, что эта девочка хотела бы остаться. Я взяла её на полставки во время учёбы, а летом — на полную.

— Благородно с твоей стороны, — восхитилась Полина, удивлённо глядя на маму.

— Там есть ещё один очень милый юноша, — сказала Ольга, и её глаза сверкнули опасным, заинтригованным блеском, от которого девушка нахмурилась. — Он проводит целые дни в теплицах, и я боюсь, что он выбрал совершенно

не то направление для учёбы.

— Хм?

Полина выглядела заинтересованной.

Какому нормальному, адекватному парню понравится возня в земле? Конечно, она не распределяла людей по их интересам и ни в коем случае не осуждала за выбранную деятельность, но все парни, которых она знала, интересовались другими вещами: девушки, алкоголь и машины.

Это звучало как-то даже странно из уст мамы.

Она бы хотела взглянуть на него.

— Он собирается стать первоклассным адвокатом, возясь с цветами, как с детьми, — хихикнула женщина, лавируя между машин на шоссе.

— Ему нравится это? — с сомнением спросила Полина.

— Поистине, да. Он приходит раньше и уходит чуть ли не позже меня, так что я склонна думать, что ему очень нравятся мои теплицы.

— Хотела бы я посмотреть на него, — призналась Поля, отворачиваясь к окну.

— О, это обязательно произойдёт. Он решил повторно пройти курсы, и я предложила ему роль наставника. Вы можете сотрудничать.

— Не так быстро, мама. Я просто хочу посмотреть на того, кому действительно интересно копать в земле, за исключением Георгия, который отучился на биолога.

— Не вешай ярлыки, Полина, пока не узнаешь этого че-

ловека.

Полина кивнула на предостережение мамы и прикрыла глаза, наслаждаясь лёгкой тряской от неровного асфальта.

Оранжерея находилась в черте города. До неё можно было вполне добраться на городском транспорте. Он пересекал черту города только раз, когда ехал по объездной, более короткой дороге.

В принципе, если рассчитать путь до мелочей, то он составит ровно сорок минут от дома Ивановых. На машине, разумеется, было быстрее.

Они остановились возле высоких ворот, которые тут же открылись, давая маме проезд. Она остановилась возле дома администрации и мельком глянула в окно, наблюдая за персоналом, который уже начал трудиться.

— Я приеду около двух, так что будь готова к этому времени, хорошо? — сказала Ольга, поглядывая на Полину, которая не потрудилась поднять очки с глаз для разговора.

— Ладно. Потом мы вернёмся в теплицы?

— Да. У меня есть кое-какая бумажная работа. В четверг нас собирается посетить туристическая группа, и мне нужно проконтролировать, чтобы всё было подготовлено.

— Это будет весело, — выдохнула Полина.

Она до сих пор не могла проснуться и взять себя в руки, чтобы быть более живой, чем сейчас.

— Я предупредила Георгия, что ты подключишься к группе, — вдруг тихо сказала Ольга, и Полина всё-таки подняла

очки с глаз, смотря на маму понимающим взглядом.

— Ты хочешь сказать мне что-то ещё?

Полина покусала изнутри щёку. Она видела, как тень сомнения легла в глазах мамы, и девушка боялась услышать что-то, что ей не понравится.

— Будь помягче с Георгием, ладно?

— Конечно. Я притворюсь, будто он не водит тебя на свидания, — она согласно кивнула головой.

— Полина!

— Мам, мне не пятнадцать. Меня не интересует твоя личная жизнь, хорошо? Я вполне могу держать язык за зубами, если он не будет придирааться ко мне без повода.

— Он не такой, — поспешила сказать Ольга, на что Полина драматично вздохнула и прикрыла глаза рукой. — Будь умницей.

— Да, босс!

Полина вышла из машины и услышала громкий мамин вопль:

— Люблю тебя!

— И я тебя, мам!

Она закрыла дверцу машины и двинулась в сторону административного маленького домика, который включал кабинет руководителя, кабинет заместителя, ресепшен и уборную. Раньше.

Полина бегло огляделась, вспоминая, когда здесь была в последний раз. Её визит был кратким, и она не обращала

внимания на постройки.

Сейчас, когда она собиралась посвятить себя цветоводству, она смогла вдоволь насладиться видом. Огромная территория с углублением в лесную чащу была очень ухоженной. Подстриженный газон. Красивые молодые деревья. Плиточные дорожки, ведущие к оранжереям и теплицам.

Высокие молочные деревянные постройки с окнами из армированного стекла и светопрозрачного пластика смотрелись прекрасно на зелёном фоне леса. Они выстроились в хаотичном порядке, но самая главная оранжерея, построенная первой, стояла в двадцати метрах от администрации.

Она была самой большой и густонаселённой. В ней даже имелся маленький декоративный пруд. Изобилие живности можно было рассмотреть даже сквозь окна, поэтому Полина прищурилась, чтобы рассмотреть побольше, но её внимание привлёк фонтан, выглядывающий сбоку, сразу же за постройкой.

Она знала, что мама решила облагородить территорию по максимуму, но не думала, что это будет фонтан.

Это место становилось притягательным для туристов, поэтому нужно было добавлять что-то новое, что притягивало бы людей магнитом.

Полина знала, что основные теплицы, в которых нужно будет работать, стояли за всеми оранжереями. Туда вход посетителям был запрещён, потому что это была основная рабочая зона, скрытая от лишних глаз.

Она бестолково осматривалась, крутя головой из стороны в сторону, когда услышала низкий хриловатый голос позади себя.

Полина чуть вздрогнула, резко разворачиваясь и сталкиваясь с внимательным взглядом Георгия.

— Привет, Полин.

Он стоял в белом халате, словно сбежал из психиатрической лечебницы. На нём были чёрные штаны и бежевая рубашка, выглядывающие из-под халата. Тёмные волосы уложены в модную укладку — длинные пряди зачесаны назад. Мужчина был высоким, хорошо сложенным и достаточно красивым. Но очень молодым.

И Полина в который раз задалась вопросом, сколько же ему лет. Неужели он охмурил маму, чтобы занять её место? Многие бы хотели владеть такой территорией, которая приносила не только эстетическое и моральное удовольствие, но и финансовое.

Эта мысль не давала ей покоя.

Она нервно переминалась с ноги на ногу.

— Доброе утро, Георгий.

— Ты как раз вовремя, — мужчина кивнул, делая шаг к ней. — Мы начинаем через двадцать минут, но я должен показать тебе твоё рабочее место.

— Было бы неплохо.

— Ты можешь подготовиться в раздевалке, — он указал на административный домик.

Полина кивнула, поднимаясь по лесенке в дом. На ресепшене сидела молодая девушка с белой рубашке и тёплой улыбкой на губах.

Виктория — именно так звали девушку, которая отвечала за вопросы о посещениях. Иногда она даже выступала гидом, но это было очень редко.

В основном экскурсоводом выступал Георгий, мама или ещё один заместитель, которого звали Ринат.

— Привет, Полина! Ты сегодня работаешь с нами? — Вика оперлась руками на стойку, сияя ярче солнца.

Интересно, только у Полины понедельник был отстойным днём?

— Привет, Вик. Ага, решила вспомнить детство, — Иванова натянуто улыбнулась, останавливаясь возле неё.

Виктория Стебелькова ранее была студенткой у мамы. Закончила биологический факультет по направлению «Педагогическое образование». Она работала в школе, но по выходным, когда были экскурсии, находилась на своём втором рабочем месте. Летний период она работала только здесь.

Странно, что мама Полины собрала практически весь свой персонал из студентов или тех, кто ранее учился у неё. Но нет, это не было странным. Эти люди сами вызвались помочь, проявляя искренний интерес, поэтому с желанием и трепетом относились к предоставленной работе.

— Пора бы. Ольга Игоревна часто говорит, что раньше ты любила копаться в цветах, так что она будет рада твоей

помощи.

Полина вскинула брови от удивления.

— Не удивляйся, — Вика махнула рукой. — Она скучает по тебе.

— Мы видимся каждый день, — пробубнила Полина, виновато опуская взгляд.

— Ты знаешь, что я имела в виду не это.

Полина прекрасно понимала, что имела в виду Вика. Ольга ждала, когда её дочь наконец уделит внимание оранжереям и теплицам, чтобы помочь ей не столько в профессиональном деле, сколько вспомнить, каково это — когда занят любимым делом.

— Ладно, мне надо переодеться.

— Кстати! — Вика вдруг взяла какой-то лист бумаги и положила перед собой. — Распишешься? Это твоё заявление на согласие на прохождение курсов в клубе.

Иванова оглядела лист несколько раз, убеждаясь, что это всего лишь добровольное согласие на принятие участия в цветоводческом клубе.

— Боже, — хихикнула Полина, беря ручку и быстро ставя закорючку там, где была поставлена галочка.

— Знаю, но твоя мама просит это делать, чтобы потом предоставлять статистику в администрацию города. Они думают, что мы делаем это нелегально, — она закатила глаза, складывая заявление в белую папку. — Прямо по коридору и налево, вторая дверь. Там раздевалка для девочек! Душ ис-

правен, как и туалет. Можешь ни в чём себе не отказывать, — улыбнулась Вика, садясь на кресло.

— Спасибо, не буду!

Полина была приятно удивлена, что её мать подошла очень ответственно к ведению клуба «Сады — это наше всё». Она представить себе не могла, что будет подписывать какое-то несуразное заявление.

Она прошла в раздевалку с рядом шкафчиков. Выбрав первый свободный, немного удивилась, что от него даже имелся нормальный ключ. Несмотря на хорошую охранную систему, никто из присутствующих не застрахован от потерь.

Она запихала рюкзак в шкафчик, взяла телефон и завязала на себе бледно-зелёный фартук, отметив про себя, что необходимо подобрать ещё несколько, если она продолжит работать в теплицах.

Она уже думала о будущем, и это на секунду смутило её.

Раздевалка была маленькой, но уютной. Бледно-жёлтые металлические двойные шкафчики растянулись вдоль одной стены, а по другую примостились светлые деревянные лавки.

За белой дверью находилась туалетная комната, включая душевую кабину. Раковина и даже биде были. Здесь было влажновато и работала вентиляция.

Полина не была в этой части, напрочь игнорируя существование раздевалок, но теперь убедилась, что в этом был смысл.

Бросив взгляд на шкафчики, она поняла, что с ней будут

трудиться ещё несколько девушек — некоторые дверцы были закрыты, и у них не болтался ключ из замка.

Она вышла из раздевалки, прикрыв за собой дверь. Административное здание пусть и казалось маленьким, но включало в себя основные комнаты, в том числе и комнату отдыха, где можно было попить чай и перекусить. Она находилась дальше по коридору.

Мужская раздевалка была ближе, чем женская. На ней висела табличка с надписью «Мужчины».

Полина прошла мимо Вики, которая болтала по стационарному телефону, обсуждая ближайшую возможную дату для проведения экскурсии. Она вышла из домика и удивилась, когда заметила Георгия, стоявшего ровно на том же месте, где они встретились изначально.

Он убрал телефон в карман халата и улыбнулся, выставив руку в сторону оранжерей.

— Хотела бы осмотреться? У нас есть десять минут до начала.

— Нет, — Полина отрицательно покачала головой.

Она не хотела осматриваться, потому что знала абсолютно обо всей живности, населяющей оранжереи, от мамы. Ей не интересны были душещипательные рассказы.

Она хотела приступить к делу.

Или девушка не хотела находиться рядом с таинственным возлюбленным мамы. Это было слегка неловко.

Полина поймала удивлённый взгляд Георгия, который вы-

глядел сбитым с толку.

— Могли бы мы пройти к теплицам? — неуверенно спросила девушка.

— Конечно, — напряжение растаяло, уступая место пониманию.

Мужчина двинулся по плиточным дорожкам, а Полина за ним. Она вдруг спросила:

— Каков фронт работы?

— Не загадывай так далеко, Полина, — хохотнул Георгий. — Для некоторых сегодня вводное занятие, и они посвятят его основам, начиная с самых азов. Но, так как ты уже в курсе всех тонкостей, могла бы поработать в паре с Александром. Он хороший цветовод, расскажет, над чем стоит поработать сегодня.

Полина кивнула, соглашаясь. Она не хотела бы работать в паре с незнакомцем, не зная его характера работы, но не против для первого раза. Надеясь, что уже завтра она сможет работать в соло, Иванова начала расспрос, пока они медленно двигались в сторону теплиц, минуя оранжереи, на которые она бросала долгие взгляды.

— Я буду заниматься только цветами?

— Исключительно ими, — кивнул мужчина. — Ольга сказала, что ты хорошо с ними обращаешься, так что я подумал и предложил ей, что необходимо поухаживать за пятой теплицей, иначе она совсем потухнет и придётся быстро заменять всевозможные растения новыми.

— Я не дам погибнуть цветам, — защищаясь, пробормотала Полина, начиная негодовать.

Она ненавидела, когда люди приобретали цветы и слишком халатно к ним относились, считая, что их можно не поливать несколько недель или даже месяцев, не прищипывать лишние веточки и листочки — в общем, не ухаживать за живым существом.

— Было бы неплохо, если к началу сентября теплица была в здоровом духе, — сказал Георгий, когда они миновали первую теплицу. Она была очень длинной.

— Я сделаю всё, что в моих силах, Георгий.

— О, прошу тебя! — воскликнул он, равняясь с Полиной для удобства ведения диалога. Тропинки стали шире, и они могли идти вместе, а не по очереди. — Если несложно, называй меня Гогой или Гошей. И на «ты», пожалуйста.

Полина вспыхнула от удивления. Её щёки окрасились в нежный розовый оттенок. Этот мужчина был крайне приятен в общении, и ей точно нравилась его лёгкая и непринуждённая манера, будто он говорил не с девушкой-практиканткой, а со своим другом.

— Конечно, — тепло отозвалась девушка.

— Я бы и сам не прочь поработать в пятой теплице, но мне нужно вести обучающий курс для новоприбывших. Она стала совсем заброшенной, когда пришлось бросить все силы на третью оранжерею, так что мне стыдно за то, что я не уделял время цветам.

— В ней совсем никто не работает?

— Почему же? Александр работает, иногда Ольга. Она самая большая и самая заброшенная. Там действительно много работы, что отнимает время, силы и внимание. Я посвящаю время оранжереям вместе с другими специалистами, но сама понимаешь: сады растут, а рабочая сила — нет, — он грустно улыбнулся, и у Полины сжалось сердце.

Она вдруг подумала о том, что не против заниматься цветоводством не только летом, но и когда начнётся учёба. Сможет найти время, чтобы помочь маме восстановить пятую теплицу. И не только её.

— Мы собираемся в первой теплице для введения, — сказал Гога (Полина отметила, что это крайне странное имя, но приняла его), когда они миновали вторую по размеру оранжерею.

Тогда она заметила небольшой работающий фонтан, окружённый подстриженными кустами. Полина округлила глаза, когда заметила, что вода действительно работает, наполняя большой круг всё больше и больше.

— Куда стекает вода? — спросила она, неотрывно наблюдая за работающим механизмом фонтана.

— По вечерам мы открываем стыки, чтобы вода стекала вниз, в трубы. На самом деле я был против фонтана, — признался мужчина. — Воды здесь предостаточно, и лишняя влага может сказаться отрицательно, но план постройки утвердил сам губернатор, да и рабочие сказали, что место

хорошее. Есть куда стекать воде.

— Мне нравится фонтан.

— И мне нравится, но за ним тоже нужно тщательно следить и вовремя проводить чистку, чтобы не завелись нежелательные водоросли. Ещё обязательно напоминать посетителям, что в него нельзя кидать монеты — это не священный фонтан, от которого исполняются желания.

Кажется, он был немного раздражён, говоря об этом, но не скрыл усмешки.

Полина улыбнулась, останавливаясь возле ряда теплиц. Их было пять, и на каждой была табличка с номером. Каркасные сооружения выглядели массивно и вполне привлекательно. Целостно. Она представить не могла, какой там сейчас климат, и боялась, что там слишком душно, чтобы носить халат.

Мужчина остановился возле открытых дверей, в которые заглянула Полина. Она увидела с десятков человек, включая практикантов и рабочих, которые осматривали горшки с цветами.

— Ну что, готова начать? — спросил Гога, мазнув внимательным взглядом по девушке.

Полина была встревожена и приятно взволнована. По телу пробежались мурашки от осознания, что она сейчас погрузится в мир своего хобби, которое очень любила в детстве.

— Да! — она кивнула головой и шагнула в теплицу.

Она остановилась возле широкого стола, на котором ле-

жали различные инструменты. Её глаза жадно скользили по полкам, заставленным горшками, растениями и удобрениями. Она вдруг поняла, что бардак теплицы — это вовсе не бардак. Это рабочая зона, которая практически никогда не бывает чистой.

Запах земли ударил в нос, и она вдохнула поглубже, чтобы вспомнить детство, проведённое возле клумб, которые она соорудила из различных материалов: больших кирпичей, маленьких досок и даже пластиковых круглых крышек.

Она вспомнила, как копалась в земле голыми руками, а потом старательно вымывала руки, чтобы не осталось следов грязи под ногтями.

В теплице было достаточно влажно и свежо, несмотря на тёплую июльскую погоду. Солнце вот-вот поднимется, и тогда настанет настоящее пекло, от которого можно будет укрыться только в тени, чтобы не получить солнечный удар.

— Ребята, прошу собраться у стола! — громко сказал Георгий, и она посмотрела на девушек и парней, которые перестали донимать работников, трудящихся над растениями.

Тогда Полина обвела каждого взглядом, и её сердце пропустило удар. Она бестолково заморгала, когда заметила, что среди девушек было несколько парней. А если быть внимательной, то двое высоких и очень красивых мужчин, одетых в зелёные фартуки, чёрные спортивные штаны и серые футболки.

И одного из них она точно знала.

Она не могла не узнать его широкую, почти ослепительную улыбку, выглядывающую из полных розовых губ.

Во рту резко пересохло, сердце сделало опасный кувырок, от чего натянулись жилы, принося боль в районе груди. Она занервничала, обводя взглядом каждого, но его — более пристально.

Её глаза смотрели на высокого широкоплечего блондинистого парня, который мило шептался с рыженькой девушкой, чьё лицо сверкало розовыми пятнами. Он не может быть милым! Конечно, может, если это не касается Полины Ивановой.

Она не поверила своим глазам, когда поняла, что это именно тот, кого она больше всего не ожидала увидеть. Она мечтала больше никогда его не видеть!

Сердце громко стучало в груди, отдаваясь эхом по всему телу. В том числе и в мозг, который подсказывал, что обидчик из прошлого находился не то что в одном городе, а в двух метрах от неё.

Не может быть! Настоящее издевательство!

— Итак, предлагаю познакомиться! — сказал Гога, когда в теплице воцарилась тишина. Слышались только шорохи рабочих, которые не переставали трудиться.

Девять человек уставились на мужчину, с лица которого не сползала приятная, дружелюбная улыбка. Ивановой становилось дурнее с каждой секундой.

В голове Полины образовалась настоящая звенящая ти-

шина, когда сапфировые глаза вскользь посмотрели на неё, а рот изогнулся в усмешке.

Та самая усмешка, которая преследовала её не одну ночь. Она ненавидела её так же сильно, как и её обладателя.

Он не задержал на ней долгого взгляда, продолжая стоять возле рыженькой хохотушки, которая что-то быстро лепетала, прикрывая рот ладошкой.

Не обратил на неё ни малейшего внимания. Как будто она была простой и обычной девушкой, которая пришла на курсы цветоводства. Он сделал вид, что совсем её не знает, и от этого не стало легче.

— И начнём с наших важных людей, которые станут наставниками для новобранцев!

Гоша продолжал говорить, пока Иванова переживала самый настоящий стресс. Давненько она такого не испытывала: дрожали ноги и руки, живот стягивало в тугий узел, а в голове было просто пусто, ни одной здоровой или не очень мысли.

Полина открыла рот, собираясь что-то сказать.

Что ей нужно было сказать? Что она срочно уходит, потому что ей вдруг стало неинтересно здесь находиться? А по какой причине? Неужели так быстро передумала копаться в земле? Ей же нравились цветы!

Нет! По причине того, что перед ней стоял самый настоящий ублюдок, которого она ненавидела всеми фибрами своей души.

Она захлопнула рот, когда мелькнуло маленькое понимание.

И тогда у неё сложилась в голове полноценная картина. Мама говорила про какого-то мальчика, который проводил здесь много времени, который учился на юридическом (адвокаты же там учатся, да?). Александр именно на этом направлении учился вот уже два года, как окончил школу. Она хвалила его заслуги в цветоводстве.

Серьёзно? Она хвалила обидчика дочери?

Полина прикусила нижнюю губу, не припоминая ни одного разговора, в котором бы уточнила имя паршивца. Нет, она точно должна была хоть раз маме сказать, что существует самый настоящий дьявол, который задирает её по любому поводу.

Она опустила взгляд в пол, ковыряясь в кусочках разброшенной земли.

А потом слова Георгия, который говорил, что Александр — хороший цветовод, с которым она будет работать в паре.

Полина едва не расхохоталась от абсурдности складывающейся ситуации.

Будут работать в паре. Нет, она не станет работать с ним. Только не с ним! Она готова выбрать кого угодно, лишь бы избежать его присутствия!

Но это было невозможно, потому что он был хорошим специалистом в области цветоводства. И с каких пор? Полина никого не знала и даже представить не могла, что чёртов

козёл с кандидатом в мастера спорта по кикбоксингу может любить гребаные цветы!

Полина готова была поклясться, что больше не будет принимать подобные решения, чтобы не сталкиваться лицом к лицу с врагами.

Бежать было поздно, потому что Георгий сказал то, от чего она едва не упала в обморок:

— Может, начнём с Александра?

Она испустила рваный вдох, понимая, что бежать слишком поздно. Она не могла выставить себя душой на глазах у этих людей.

Не могла выставить себя душой в очередной раз перед ним.

Перед чёртовым Сашей Фихнеевым.

Он расплылся в улыбке, согласно кивая и начиная говорить.

Полина внутренне зарычала, когда услышала такой же, как и всегда, низкий голос, пропитанный мелодичностью и стальной уверенностью.

Она хотела провалиться сквозь землю.

Прямо здесь и сейчас.

ГЛАВА 3: НЕУДАЧНЫЙ ФЛИРТ

Саша затянулся сигаретой.

Дым мгновенно просочился в лёгкие, начал растворяться по телу и приносить удовольствие. Расслабленность взяла верх, и он прикрыл глаза, наслаждаясь затяжкой — чуть дольше, чем в предыдущий раз.

С момента успешно закрытой сессии прошла всего неделя, и он успел неплохо отдохнуть перед тем, как вернуться в потрясающие оранжереи, созданные восхитительной женщиной, которая души в нём не чаяла. По крайней мере, она сказала это, когда Саша пересадил десять горшков с капризными цветами и сделал всё, чтобы растения не погибли.

Честно, он ненавидел копать в земле. Его не вдохновляла грязь, скапливающаяся под ногтями, вечно работающий мозг и постоянные ухаживания за живыми существами. Ему не нравилось это делать, но он всё равно делал.

Саша чуть глубже познакомился с ботаникой благодаря своему дедушке, который утверждал, что выращивание растений — это очень интересно и познавательно. Десятилетний Саша не хотел участвовать — по его мнению — в женских делах, но он видел, с каким обожанием дедушка хвалялся выращенным мини-садом в своём доме, и подумал, что хобби не имеет гендерной принадлежности.

Он наблюдал за дедом несколько лет. Южный климат

позволял поддерживать рост цветов даже в зимнее время. Специально обустроенные теплицы наполнялись с приходом осени горшками, которые обычно стояли на участке, но в несолнечной стороне. Солнце могло быть настолько обжигающим, что сжигало листья, отчего цветок начинал болеть и даже умирать.

Болеть! Саша даже не подразумевал, что цветок может заболеть. Он морщился, слушая дедушкины лекции о цветах, и втайне мечтал прокатиться на велосипеде до карьера, где собирались друзья.

Потом, когда Саша едва не сломал себе руку во время поездки на карьер, он решил повременить с травмоопасными приключениями, поэтому неделю просидел дома. В течение этого времени у него появилось желание немного помочь дедушке, и он начал возиться с цветами.

Сначала просто поливал. Затем ознакомился с различными инструментами, которые впоследствии начал применять на практике.

Дедушка восхищался работой внука, поэтому с каждым разом освещал тонкости цветоводства.

Саше начало нравиться ухаживать за цветами. Он ждал, когда по весне начнут распускаться бутоны, превращая зелёные листья в красивые разноцветные лепесточки.

Фихнеев не особо жаловал кактусы. Несколько негодяев укололи его в пальцы, и он долго пытался достать колючие иголки, издеваясь над собой иголкой. Позже он научился

справляться с ними, но всё равно не тыкал пальцами куда не следовало.

Саша с удовольствием проводил выходные в окружении цветов, не забывая о вылазках с друзьями. Ему нравилось помогать дедушке, поэтому он старался отдавать максимум своего времени на полезное дело.

До окончания школы он следил за всем, что поручил ему дед. У него даже получилось самостоятельно вырастить куст роз, который продолжает цвести по сей день. Сейчас Саша за ним практически не ухаживал, так как был нацелен на другое, но по выходным обязательно приезжал и начинал работать над эстетическим внешним видом благоухающих роз.

Родители Фихнеева отнеслись вполне положительно к увлечению сына. Это было намного лучше, чем поздние гулянки, сомнительные компании и отсутствие желания поступать в высшее учебное заведение.

Но каждый из членов семьи знал: Саша должен отучиться на юридическом факультете. Пойти по стопам отца, который заправлял юридической конторой по оказанию услуг для граждан.

Несмотря на пубертат, случившийся в четырнадцать, Саша не бросил своё хобби. Да, он порой забывал, что нужно помогать деду, но тот входил в его положение и делал всё, чтобы цветы не погибли. Саша всё равно возвращался к своему кусту роз, будто растение было для него настоящей отдушиной.

Он учился на первом курсе государственного университета на юридическом факультете, когда увидел объявление о наборе желающих для участия в программе «Сады — это наше всё». Тогда он подумал, что это прекрасная идея, и с удовольствием посетил вводный семинар, который вела Ольга Игоревна.

Разумеется, он знал её. Она была матерью девочки, которую он любовно задира́л все одиннадцать лет школы.

Полина Иванова — это образ прилежной, слегка неуверенной, но бойкой девчонки, которая старалась выбиться в отличницы. И, признаться, она была близка к цели, пока не связалась с шайкой старшеклассников, которые любили понюхать клей или бензин, покурить за гаражами и выпить отравительный химический напиток, содержащий алкоголь.

Он называл её ботаншей. Она постоянно сидела, обложившись учебниками и тетрадками. Стремилась к знаниям, которых у неё и так было предостаточно. Не все девочки любили учиться, но она корпела, грызла гранит науки, чтобы оказаться на пьедестале рейтинга по итогам четверти. Иванова всегда была занозой в заднице, поэтому уверенно входила в десятку лучших, но ей было мало — она хотела быть первой. До определённого момента.

Саша высмеивал бледную кожу и чёрные волосы, которые она всегда собирала в пучок. Она носила брючный костюм, напрочь игнорируя существование юбок. Тонкий нос и подбородок всегда вздёрнуты чуть ли не к небу. В ответ на дет-

ские обзывательства либо молчала, либо шипела ругательства не хуже.

Несмотря на великолепную учебную жизнь, Иванова побывала в кабинете директора не один и даже не два раза. После каникул между девятым и десятым классами что-то произошло с вечно неприступной всезнайкой, и она умудрилась портачить там, где это казалось невозможным.

Саша посмеивался, выставя её ещё большей дурой. На новогодней вечеринке, где алкоголь был под строгим запретом, она пила сладкий компот, добавляя в него из пластиковой бутылки с надписью «Колокольчик» водку. Она едва держалась на ногах, когда директор школы поймал её и выставил вон с праздника. Иванова не растерялась — забрала своих друзей, и они ушли отмечать наступающий Новый год.

Саша не отличался покладистостью, но знал, что в школе нет места таким хулиганствам, как алкоголь и сигареты. Он тщательно скрывался, а во время уроков едва терпел, пока не прозвенит звонок и он не умчится на улицу под предлогом сходить в магазин, хотя это было запрещено. Он затягивался сигаретой, а после жевал жвачку и возвращался, когда уже звенел звонок на урок.

Иванова была тощей. Ну, худой и угловатой, с высокими скулами и костлявыми ладошками. Она не была эталоном красоты, от которой можно было бы разинуть рот в удивлении и сказать: «Ого!»

Зато когда наступил выпускной в одиннадцатом классе,

куда она пришла в платье до щиколоток и на высоких каблуках, Саша вдруг понял, что она вовсе не тощая. Худая, миниатюрная и очень фигуристая. Вполне, чтобы быть привлекательной.

На этом их дороги разошлись. После выпускного он видел её несколько раз. Может, пять или десять, но это только потому, что её чёрная макушка мелькала в коридорах университета. Они учились на разных направлениях, так что их встречи были максимально ограничены. Да и Саша, повзрослев и осознав комичность ситуации, перестал быть приставучим идиотом. Обидные ругательства в сторону девушки прекратились, когда они окончили школу.

А объявление о наборе в клуб «Сады — это наше всё», где руководителем была Ольга Игоревна, стало для Саши открытием. Он записался на курсы, которые прошли под чётким наблюдением специалистов.

Весь сентябрь первого курса он посещал клуб. Он занимался с цветами столько, сколько ему позволяли, и не забывал о кусте роз у бабушки — приезжал по выходным и следил за ним, общипывая и удобряя. Он крутился, словно юла, между учёбой и садами.

Ему нравилось находиться в оранжереях. Ольга была рада взять его помощником на летний период, пока не начнётся учёба, поэтому он с утра пораньше приезжал, снаряжался и удалялся в пятую теплицу, где работал с недавних пор. Пятая теплица была большой и заброшенной, поэтому боль-

шую часть времени он находился один. Это было к лучшему: никто не мешал, не вставлял палки в колёса и не пытался связаться, отвлекая от процесса.

С понедельника должны были начаться курсы, и ему предложили должность наставника. Он сомневался — никогда никого не обучал, — но Ольга настаивала, так как не могла в полной мере присматривать за всеми новобранцами: у неё были университетские дела, где она принимала должников, закрывала ведомость и аттестовывала выпускников. Гого, заместитель Ольги, не сможет разорваться на всех, поэтому Саша согласился принять выгодное предложение, за которое ему доплатят. Он работал в теплицах не ради денег, а ради удовольствия, но всё равно был не против получить материальное вознаграждение.

Он готов был начать трудиться.

Саша вышел на балкон, разминая шею, когда поступил звонок.

— Привет, братан! — прошелестел Артём Пестеренко с того конца провода.

— Ага, и тебе привет, — Фихнеев посмотрел на часы — время было около десяти утра.

— Не хочешь сгонять на карьеры? Машка с нами поедет, — предложил друг.

Карьеры — это место, признанное городским пляжем. Озеро «Голубое» раскинулось в черте города с песчаным пляжем и мягким углублением на глубину. Вода была чистой

и пригодной для купания.

А Машка Ячнева — это девчонка, которая сохла по Саше последний год. Они вместе учатся на потоке. Иногда за-висают вместе, потому что девушка уж слишком навязчиво влилась в компанию Саши и Артёма. И это совсем не повод, чтобы выбираться в воскресенье на карьер искупаться.

Саша и рад бы познакомиться с Машей поближе, да не было желания. Девушка была не совсем в его вкусе: такая приторная, несмешная и совсем немилая. Блондинка с длинными ногами и узкой талией. Она была... красивой, но типичной, как и все остальные, кто хотел бы пообщаться с их компанией. Она вызывала единоразовый интерес, на который не хотелось убивать время. Саша не думал, что потребуется слишком много усилий, чтобы заманить девушку в свою постель, но это было неинтересно. Скучно. Однообразно. Пережито.

— Выпьем пива, — продолжал настаивать Тёма, на что Саша закатил глаза.

— Мне пить не с руки — я за рулём, — фыркнул Фихнеев.

— Ну, ограничишься апельсиновым соком, — цокнул Пестеренко. — Погнали. Ты скоро потухнешь в своих цветах, Саня.

Саша думал недолго — зачем отказываться от возможности искупаться в жаркий день?

— Я заеду за тобой в двенадцать, — сказал Фихнеев.

— Замялись! Возьми плот и насос!

— Это матрац, идиот.

Саша скинул звонок, тяжело вздыхая. Поездка на карьер будет отвратительной.

— Ты решил посвятить себя цветам?

Он слышал этот вопрос уже с десятков раз от Маши Ячневой. И она знала ответ.

Она сидела рядом с ним на покрывале в белом бикини и флиртуяще строила глазки в надежде, что Саша обратит на неё должное внимание. Фихнеев смотрел на парней, которые прыгали с маленького причала в воду. Он только что выбрался из воды, решив передохнуть: покурить, выпить сока и посидеть в тишине.

Маша не ходила в воду, но с удовольствием загорала. Её подруга Олеся Лоскутова, решившая присоединиться, всю прыгала вместе с парнями.

Саша скользнул взглядом по загорелым ногам с красными аккуратными ногтями. Ячнева была хорошенькой, но ужасной сердцеедкой. Когда пошёл слух, что она без ума от Саши Фихнеева, он удивился: ведь она гуляла с разными парнями на протяжении нескольких месяцев и никогда не отказывалась от внимания противоположного пола. Она думала, что таким образом сможет обратить на себя внимание, заставит ревновать, хотела показать, что мужчины чуть ли не в ноги кланяются. Какая глупость. Саше было всё равно, с кем гуляла Маша.

— Да, — ответил он, затягиваясь сигаретой.

Он не смотрел в её сторону, но не специально: ему больше нравилось наблюдать, как Олеся пытается утопить внушительную тушу Тёмы, который схватил её за пятку и таскал по воде.

Артём Пестеренко и Олеся Лоскутова — это что-то на грани понимания. Она такая нежная и приземлённая, с дерзким язычком и хорошим чувством юмора. Он же накачанный брутальный мужик, который не умеет шутить и подкалывать девушек. Она грациозна и мелодична, а он — как несуразный слон, не умеющий смотреть под ноги.

— Не хочешь сходить в кино? Там вышел фильм «Проклятие Аннабель 3».

Саша сделал затяжку, принимая попытку Маши обратить на себя внимание. Он посмотрел на неё, смеривая странным взглядом. Она любила ужастики? Вряд ли. Скорее, она фанат плаксивой драмы.

— Я уже ходил, — ответил Фихнеев, отворачиваясь.

Он и вправду ходил на этот фильм неделю назад вместе с Артёмом, который умолял составить ему компанию. Тёма — фанат всех ужастиков, так что ни одна премьера не обходится без его внимания.

Маша слегка покраснела, хлопая ресницами, и расстроено надула губы.

— Может, тогда в кафе?

— У меня работа, — ответил Саша, начиная чувствовать

себя последним козлом, который так филигранно пытается избавиться от внимания красотки.

— Ну, ты же не всегда занят, верно?

Она не оставляла попыток, и это было плохим знаком. Если она захотела чего-то, не отступится, пока не получит желаемое.

— Допустим, в среду? — Маша прикусила нижнюю губу, показывая неровный ряд зубов. — Олеся с Артёмом тоже могут присоединиться.

О, конечно, они могут присоединиться. Без них Фихнеев точно не хотел идти. Ему не страшно было оставаться один на один с Ячневой, но он просто не знал, как правильно намекнуть девушке, чтобы её не обидеть, что она его не интересуется.

— Я поговорю с Тёмой, — сказал Саша, поднимаясь с покрывала и направляясь к урне, чтобы избавиться от окурка.

Он не вернулся к Маше на покрывало, хотя чётко ощущал любопытный взгляд на своей спине, пока возвращался к ребятам на мост.

Саша остановился возле края и посмотрел на Олеся, которая не оставляла попыток утопить Пестеренко. Тот в свою очередь хватал девчонку и совсем не нежно таскал за собой в воде. Слава и Дима, поехавшие вместе с ними, уплыли на другой берег, откуда хотели прыгнуть. Тот берег был чуть выше, и там было очень глубокое дно.

Он сделал шаг назад и, разогнавшись, прыгнул в воду, вы-

тянув перед собой руки. Фихнеев отплыл на приличное расстояние от берега, наслаждаясь палящим солнцем и тёплой, как парное молоко, водой.

Он медленно плыл к берегу, когда Олеся решительно взяла надутый матрас. Остановившись возле тяжело дышавшего Тёмы, Фихнеев смерил его удивлённым взглядом. Ещё ни одна девушка не могла заставить его слегка попотеть.

— Чёрт, она убьёт меня, — выдохнул Пестеренко, убирая волосы с лица.

Саша хихикнул, наблюдая, как Олеся легла на матрас и медленно плывёт к ним по мелководу.

— Она тебе нравится, — и это был не вопрос, но Артём посчитал нужным ответить:

— Нет.

— Ага, болтай.

— Представляешь, он таскал меня, как вещь какую-то! — Олеся села на матрас возле них и всплеснула руками, смотря на Сашу. — Нет, ты можешь себе представить? Схватил за пятку и начал таскать! Между прочим, я воды наглоталась, а это очень плохо!

— Пиво сэкономила, — сказал Артём, усмехнувшись.

— Я не пью пиво, болван!

— Тогда воду!

Артём схватил конец матраса, подтягивая к себе. Олеся взвизгнула и едва не свалилась со своей опоры, за которую успела ухватиться.

— Не хочешь ещё попить?

Олеся не успела ничего ответить.

Саша раскрыл глаза от удивления, когда Пестеренко без особых усилий взял надувную игрушку и перевернул, заставляя девушку уйти под воду. Она забарахталась, и у него сжалось сердце — не хватало ещё трупов на берегу.

— Очень неромантично, Тём, — фыркнул Фихнеев, протягивая руку Олеся и помогая ей выплыть.

Она была маленькой, поэтому не могла полноценно встать на ноги там, где парни стояли по грудь в воде. Олеся выплюнула воду, протёрла глаза, продолжая цепляться за Сашу, потом открыла свои карие злющие глаза и поджала губы, отплывая назад, где смогла ровно встать на ноги.

— Спасибо, Сань! Ты — покойник, Пестеренко! — вскричала девушка, бросаясь на него.

Смех и всплеск воды затопили его уши. Он мягко улыбнулся.

«Ох уж эти брачные игры», — подумал Саша, ныряя в воду и уплывая от берега.

Саша уже был в оранжерее, когда Гога оповестил, что ровно в десять начнётся вводное занятие. Он продолжал топтаться в первой теплице, рассматривая новые бутоны лилий. Они совсем молодые и только-только набирают обороты цветения. Их пересадка запланирована на послеобеденное время, так что Фихнеев решил проверить, всё ли готово.

Продолговатый пластиковый контейнер, где он старательно выращивал белые лилии, едва не ломился от земли. Стебли давно дали корни, поэтому он пересадил их в землю, чтобы дать цветам привыкнуть к другой обстановке. Они извивались и тянулись к солнцу последние две недели, так что пора было пересаживать их в более приятное место — в главную оранжерею, где для них уже приготовлено место.

Саша аккуратно промокнул пальцами землю, когда со стороны входа послышался довольный визг. Посмотрев на девушку, которая от радости хлопнула в ладоши, он расплылся в дружелюбной улыбке.

Олеся смотрела на изобилие растений с неким вдохновением. Она начала рассматривать каждый сантиметр теплицы, когда заметила Фихнеева с маленькими граблями возле стола.

— Саша!

Она подбежала к нему, крепко обнимая. Он потрепал её по пушистым рыжим волосам и взглянул на мрачного Артёма, который плелся за ней с явным нежеланием находиться в оранжереях.

Дело в том, что Саша Фихнеев насильно (в буквальном смысле) заставил друзей пройти курс «Сады — это наше всё». Единственная, кому понравилась идея, была Олеся. Артём ворчал и говорил, что не готов тратить своё драгоценное лето на возню в земле, но ради рыженькой девчонки, с которой они начали сближаться, согласился.

— Боже, и мы здесь будем работать? — спросила Лоскутова, наклоняясь к лилиям и вдыхая аромат. Она нахмурилась. — Пахнет землёй.

— А чем ещё здесь может пахнуть? — пробормотал Артём, осматриваясь по сторонам. — Саня, если отсюда нельзя сбежать, то я найду способ. Мне не нравится так рано просыпаться и ехать к чёрту на кулички, чтобы повозиться с цветочками.

— Перестань гундеть, — сказал Саша, стаскивая перчатки.

— Я очень жду момента, чтобы запечатлеть, как Артём будет сажать цветы! — Олеся ещё раз хлопнула в ладоши. — Кстати, почему ты не позвал Машку?

Саша глянул на неё странным образом, будто она сказала глупость. Он не стал предлагать Маше посетить клуб цветоводства. Он подумал, что её белый маникюр, который она вчера расхваливала, не переживёт одного дня в копании земли, поэтому решил опустить эту тему.

— Хотя, наверное, правильно. Она не любит цветы, — вздохнула Олеся. — Любит, когда дарят, разумеется.

— Вопрос исчерпан.

— О, кстати! У нас сегодня курсы закончатся в четыре. Может, снова сгоняем на карьеры? — предложил Тёма, смотря на Олесю горячим взглядом.

— Я только сегодня утром избавилась от воды в ушах, Пестеренко! — она стукнула его по плечу, обиженно складывая

руки на груди.

— Никто не виноват, что ты коротышка, которая не может меня догнать, — он показал ей язык.

Саша рассмеялся, наблюдая за их перепалкой. Они выглядели как настоящая парочка, но продолжали отрицать существующую химическую связь между ними.

— Ребята, прошу собраться у стола!

Фихнеев посмотрел на входящего в теплицу Георгия, а за ним — на черноволосую девушку, в глазах которой мелькали огни счастья. Он не поверил своим глазам, когда в потёртом фартуке узнал свою одноклассницу.

Перед ним мелькнули одиннадцать школьных лет, и сердце ёкнуло от воспоминаний, как он задира́л её. Чувство, похожее на волнение, поселилось в груди, когда глаза быстро очертили её стройные ноги. Казалось, она совсем не изменилась, но в то же время — кардинально. Интересно, как это?

Он быстро отвернулся, не желая быть пойманным с поличным.

И что она здесь делала? Она избегала это место как минимум два года, что Саша тут находился. Он не видел ни разу, чтобы Полина трудилась в теплицах, помогая матери. Неужели она и впрямь решила́сь заняться садоводством? Решила избавиться от дури, которой начала заниматься в шестнадцать? Саша едва не хмыкнул от этой мысли. В его глазах Иванова навсегда останется девчонкой с угловатыми изгибами, задранным к потолку носом и бутылкой водки в руках.

— Это наш куратор? — улыбнулась Олеся, начиная двигаться к столу, возле которого остановились Гога и Полина.

— Что-то типа того.

Он больше не смотрел на неё, хотя понял, что она заметила его — почувствовал колючий взгляд на своём лице.

Они шли к столу, пока Артём бурчал, что у него больше нет попыток к побегу из этого места.

— Он добрый? — спросила девушка, посмотрев на Сашу.

— Очень, пока ты правильно работаешь секатором.

— Секатором? — она захихикала, прикрывая ладошкой рот. — А его можно использовать на людях? Например, на Пестеренко?

— О, ему обязательно понравится, — сказал Саша, когда Олеся едва сдерживалась от смеха, заливаясь румянцем.

— Вы офигели? — спросил Тёма, останавливаясь за спиной у Олеси.

— Я просто спросила! — шикнула Лоскутова, двинув локтем назад, но не попав в цель, потому что Пестеренко заблокировал удар своим кулаком.

— Итак, предлагаю познакомиться! — сказал Георгий, сияя ярче солнца.

А вот девушка, стоящая рядом с ним, выглядела бледнее мела. Саша вновь посмотрел на неё, и их глаза встретились. В её голубых радужках поселилась тревога, и он точно смог увидеть неподдельный страх. Она готова была сорваться с места и покинуть теплицу.

Он усмехнулся, и её щека дрогнула. Иванова резко опустила взгляд вниз.

— И начнём с наших важных людей, которые станут наставниками для новобранцев!

Наставниками для новобранцев?

О, Саша бы хотел стать руководителем над Ивановой, чтобы в очередной раз показать своё превосходство над этой дурной девчонкой. Показал бы, как умные люди проводят время: не шатаясь с отбросами, а занимаясь поистине полезным делом.

У него засвербело внутри от желания стать наставником Полины, но он сдержал порыв, сохраняя дружелюбие и расслабленность.

— Может, начнём с Александра?

Глаза Гоги остановились на нём, и Саша дёрнул уголком губ, потирая ладони друг о друга. Он прочистил горло, кивая.

— Меня зовут Саша, и я очень люблю цветы, — начал Фихнеев.

— Скромничаешь, — цокнул Гоша. — Но ладно. Рита?

Саша мазнул взглядом по Полине, в глазах которой можно было увидеть, как крутятся её шестерёнки.

Интересная, конечно, встреча. Очень неожиданная.

Саша вдруг вспомнил её истерику в восьмом классе, когда девушка получила четвёрку по алгебре за контрольную. Она ревела, уткнувшись лицом в парту, и никто не мог по-

жалеть её, потому что остальные, за исключением отличников, получили двойки и тройки. Они не понимали, как Иванова могла разреваться из-за сложной самостоятельной, которую написала сама, не списывая, когда остальные тайком пользовались шпаргалками и калькулятором.

Сейчас она выглядела расстроенной. Её мысли были далеки от знакомства с группой. Саша понимал, что она хотела бы сбежать, чтобы не сталкиваться с ним в ходе работы над растениями, но было уже поздно.

Она покинет это место только через две недели.

Значит, у него есть ровно четырнадцать дней, чтобы напомнить школьную жизнь.

Превратить спокойствие в бешеное пекло.

ГЛАВА 4: СОВМЕСТНАЯ РАБОТА: АМАРИЛЛИС

— Если кто-то из вас учится на биологическом факультете, подумайте над местом практики. Мы готовы выделить несколько мест для студентов, — просиял Георгий, осматривая всех, включая Полину.

Иванова стояла, потупив глаза в пол.

Саша находился в нескольких метрах от неё, напоминая о школьных днях. Она прекрасно помнила обидные обзывательства и искрящуюся от него ненависть. Казалось, что парень действительно питался её обидами, поджатыми губами и зареванными глазами.

Полина была очень чувствительной и ранимой, поэтому любую издевку принимала слишком близко к сердцу, что сказывалось достаточно отрицательно на учебном процессе. Она бы с удовольствием набрала несколько лишних килограммов, чтобы не быть дрищом, как говорил Фихнеев в девятом классе, когда Иванова действительно потеряла несколько килограммов, превращаясь в скелет.

Она не представляла, как правильно вести себя в сложившейся ситуации. Забыть и отпустить прошлое и жить дальше? Обида, засевшая ещё в средней школе, была слишком огромной, чтобы просто взять и отпустить.

Полина нервничала, переминаясь с ноги на ногу и не сдерживая тяжёлые выдохи.

Она уже подготовилась к серьёзному разговору с мамой, чтобы убедить её в том, что пребывание Полины в оранжереях — это ошибка. Иванова придумала несколько вразумительных аргументов, почему она не придёт завтра в теплицы.

И первая и самая главная причина стояла перед ней.

— Так, давайте познакомимся с нашими участниками. Может, начнёшь, Полина?

Она резко вскинула голову, округляя глаза от неожиданности. Почему знакомство должно начинаться с неё?

Смышляев смотрел на неё поддерживающим взглядом, и девушка шумно сглотнула, переводя неуверенный и загнанный взгляд на девять человек, смотревших с любопытством.

— Э-э... Я... Я Полина, и мне нравятся цветы, — она глупо улыбнулась, резко посмотрев на Фихнеева, который закатил глаза, а потом одними губами сказал: «Тупица».

Полина сжала челюсти, выдыхая. Хотела, чтобы он отвернулся. Или вообще ушёл. Испарился из её жизни навсегда. И почему он должен появиться в маминых оранжереях спустя два года?

Она отвела от него взгляд, не желая больше получать оскорблений. Их хватило на всю оставшуюся жизнь.

Глубокий вдох — она думала, что могла бы сказать ещё. Как можно охарактеризовать себя, чтобы никто, кроме Саши, не понял, что в её голове пустота и ноль адекватных

слов?

— Мне нравятся гипсофилы, алоэ, традесканции, альстромерии, астильбы и вереск. В детстве у меня был сад, и я очень любила за ним ухаживать, — она сложила перед собой руки, продолжая нервно улыбаться.

— Очень хорошо! — Гога подбодрил кивком головы. — Олеся?

Полина внимательно посмотрела на девушек, и, к её удивлению, начала говорить рыжеволосая девушка, расплываясь лёгким румянцем.

— Меня зовут Олеся, и я совсем не умею ухаживать за цветами, но хотела бы этому научиться! Иметь своё хобби — это здорово!

Иванова едва не закатила глаза. Она говорила милейше-писклявым голоском, от которого в буквальном смысле выворачивало наизнанку.

Зато Саша сканировал Олесю восхищённым взглядом. Ну конечно, Фихнеев уже приметил жертву. Он любил девушек с нестандартной внешностью.

Полина вдруг вспомнила, как парень в школе начал тесно общаться с девчонкой, чьи волосы были выкрашены сначала в пепельный оттенок, а потом в нежно-розовый. Конечно, это было модно и почти красиво, но ни капли непривлекательно. Она походила на девочку из аниме с несуразным макияжем.

Полина ничего не имела против японских мультфильмов,

но видела косплей более удачный, чем у той девушки. Хотя бы в одежде или макияже. Её попытки превратиться в анимированную девочку не были очень плохи, но требовали много практики.

Когда все представились, Полина замерла от предвкушения, втайне мечтая о разумной разбивке на пары. Она надеялась, что Гоша поступит правильно и не позволит ей встать в пару с Сашей Фихнеевым.

— Итак, если вы готовы, то предлагаю начать с разбивки на пары, — Гога посмотрел на всех, словно обдумывал объединения. — В парах будет работать легче и быстрее. У нас есть определённый фронт работы на следующие две недели, так что советую вам морально подготовиться к напряжённым моментам.

Полина подняла взгляд на мужчину, который внимательно глядел на всех. Она подумала, что могла бы поучаствовать в корректировке пар, ведь у неё были особенные привилегии, да? Её мать заведовала чёртовыми оранжереями, и Полина Иванова, как наследница этой маленькой империи, могла бы выбрать пару самостоятельно.

Нет. Так не будет. Судьба — сучка.

— Олеся и Марина, вы занимаете эту теплицу. Тут есть парочка несложных цветов для пересадки, — начал Георгий, проходясь по всем.

Полина убрала руки за спину, скрещивая пальцы.

— Артём и София. Вам достаётся третья оранжерея под

руководством Рината. Он вскоре подойдёт.

Она готова была скрестить и ноги. Сердце бешено стучало, пока мужчина объявлял пары.

— Александр и Полина. Вы будете две недели трудиться над пятой теплицей. Уверен, вам будет чем заняться.

Полина задержала дыхание, переводя взгляд на Сашу, который не казался удивлённым. Он кивнул головой, продолжая слушать наставника вполуха.

Она потеряла всякую веру в лучшее.

Саша по необъяснимой причине догадывался, что Гога решит устроить подлянку. И вот она — Иванова будет работать в паре вместе с ним.

Он заставит её плясать под свою дудку, потому что ведь его положение намного выше, правда? Он два года трудился на благо просвещения и процветания оранжерей, а Иванова — это просто временный предмет, который решил покичиться своим присутствием и показать, что она действительно важная персона, ведь её мать здесь — главная.

Он отказался показывать свои эмоции, хотя они безусловно были. Это были не радость или разочарование. Скорее, непонимание, почему он должен делить работу с тупицей, которая повторила его слова, рассказывая о себе.

Иванова осталась такой же. Несмышлёной глупышкой.

Зато, казалось, что она вот-вот провалится сквозь землю.

Его почти рассмешило то, как она быстро убрала руки за спину, скрещивая пальцы. Саша знал об этой маленькой тон-

кости натуры Полины. Узнал, когда видел, как она переживала за итоговые экзамены, стоя перед ним и делая этот умоляющий, скрытый от глаз жест.

Полина нервно прикусила нижнюю губу.

— Можете расходиться по своим рабочим местам! — прокотал Гога, хлопая в ладоши. — Те, кто работают с наставниками, можете приступить, а те, кто нет, — я вскоре подойду к вам. Ольга Игоревна, к сожалению, не сможет к нам сегодня присоединиться, но она будет завтра!

— Есть, босс! — сказали несколько человек, салютуя поднятыми большими пальцами вверх.

— Можешь идти, Полина, — Георгий повернулся к ней, мягко улыбаясь.

— Пятая теплица самая последняя? — очень тихо спросила девушка, поднимая на него разочарованный взгляд.

— Да. Александр сейчас подойдёт. Я скажу ему, что нужно сделать в первую очередь, а потом он расскажет тебе, хорошо? Там есть необходимые инструменты.

Полина бросилась вон из первой теплицы, бросив напоследок громкое: «Заметано».

Она бы с удовольствием сбежала с территории оранжерей, чтобы больше никогда сюда не возвращаться, но ноги сразу же свернули налево, приводя её к пятой теплице, в которую были открыты двустворчатые двери.

Полина оглянулась, наблюдая, как все расходились по своим местам. Она нервно искала глазами что-то, за что можно

было бы зацепиться под предлогом скорейшего увольнения. Ничего. Абсолютно ничего.

Она должна две недели быть в паре с Фихнеевым, которого на дух не переносила.

Она несмело вошла в пятую теплицу.

Саша отбил «пятюни» друзьям, пожелал удачи, несмотря на кислое выражение лица Тёмы и слишком счастливую мордашку Олеси.

После подошёл к Гоге, который сразу же начал говорить:

— Полина долго не занималась цветами. Она нуждается в напоминании, как правильно общаться с растениями. Не думаю, что девочка очень глупа, поэтому быстро вспомнит былое. Начните с амариллисов. Их нужно будет выставить в третью оранжерею. Я освободил там несколько полок. После займитесь гортензиями.

— Я знаю, Гош, — Саша кивнул, вспоминая, на чём остановился в пятницу. — Гортензии полностью сделаны. Я закончил в пятницу. Возможно, надо присмотреть за мимозой. Бедняжка совсем зачахла.

— Точно, — Смышляев потёр затылок. — Я забыл, что мы чуть не убили все чёртовы мимозы.

Фихнеев рассмеялся, поднимая брови.

— Не смейся. Оля заставила их осмотреть ещё три недели назад, а я вспомнил только в прошлый понедельник. Она оторвёт мне голову, — выдохнул мужчина.

— Босс, всё будет сделано по высшему разряду.

Саша двинулся в пятую теплицу. Его забила лёгкая лихорадка от предстоящей встречи с Полиной Ивановой тет-а-тет.

Он вытер влажные ладони о фартук и зашёл в теплицу, где стоял достаточно прохладный климат. Она находилась в тени от солнца со специальными вытяжками, которые отлично справлялись с циркуляцией воздуха. Спертый запах земли донёсся до его ноздрей, и он почувствовал родную стихию.

Иванова притаилась возле стола, на котором стояли горшки с амариллисами.

Он дёрнул уголок губ, двигаясь к ней, словно зверь.

Полина выглядела напуганной и слегка взвинченной. Она хваталась пальцами за края стола, старательно игнорируя его присутствие.

Она втянула носом земляной воздух, пропитанный разными запахами цветов. Прикрыв глаза, Иванова сосчитала до десяти и резко обернулась, когда Фихнеев остановился в пяти шагах от неё.

Она смотрела на него долгим, пронзительным взглядом, жадно разглядывая фигуру. Светлые волосы, находящиеся в беспорядке. Широкие брови. Голубые глаза, обрамлённые ресницами и задернутые дымкой насмешливости, были такими же, какими она успела запомнить — яркими и глубокими, но нечитаемыми. Саша всегда тщательным образом скрывал свою душу, не желая впускать кого-либо в свои потёмки.

Такой же высокий, широкоплечий и уверенный в себе. От него разило невероятной уверенностью и силой. Подтянутое и рельефное тело, выраженные вены — это навевало на мысль об эстетическом удовольствии, если взглянуть на него.

Он был одним из красавцев в школе, у которых не было отбоя от девчонок, но звание «бабник» заслужил его один из лучших дружков — Мишка Тарантулов. Саша был словно монах, считающий, что секс — это преступление. Девчонки изредка шептались, что Фихнеев хорош в постели.

Полина, прекрати об этом думать!

Она повела носом, когда почувствовала сандаловые нотки, перемешанные с привкусом дерева и свежести. Успела забыть, как он вкусно пахнет.

Она сжала челюсти почти до скрежета, когда поняла, что он был слишком идеален внешне, но так серен внутри.

И она признавала его привлекательность!

Саша пялился в ответ. Он сделал вывод, что ей всё-таки удалось набрать пару килограммов, хотя, с учётом её роста, она осталась худой, но более красивой. Более взрослой, что ли. С напряжённым взглядом, как и всегда. С вздёрнутым носом. С поджатыми губами.

Такая... обычная Иванова.

Но Фихнеев отметил, что она очень даже привлекательна для глаз. Из-под фартука можно было заметить округлость груди и бёдер. Изыщная шея, за которую он не прочь схва-

титься, чтобы припугнуть девчонку и показать, кто на самом деле стоит у браздов правления.

Он моргнул, не понимая, как его мысли оказались совсем не в том русле, в котором он привык думать по отношению к этой дурнушке.

— Ты так и будешь рассматривать меня, Иванова? — сказал Саша, уходя на противоположную сторону стола.

Девушка, словно очнувшись, залилась краской смущения и облизала пересохшие губы. Она чувствовала себя очень растерянно и потерянно.

И что ей тут делать вместе с ним? Он же наверняка ни черта не знает о цветах, хотя... Мама и Гоша нахваливали его.

— Итак, начнём с элементарного, — сказал Саша, натягивая перчатки. — Ты знаешь что-нибудь о цветах?

Она посмотрела на него расширенными глазами, словно не понимала, почему он общается с ней так. Нормально! Абсолютно нормальный тон, без скрытых подтекстов, насмешек и сарказмов. Он был самим собой. Не раздражённый. Не злой. Не небрежный.

Обычный тон. Спокойный.

Она молчала слишком долго, потому что Фихнеев цокнул языком, закатив глаза.

— Ты уснула, Иванова?

И вот усмешка искривила его полные губы, и Полина покачала головой.

— Ты знаешь что-нибудь о цветах? — он повторил вопрос.

Саша забавлялся её реакцией. Она, как испуганный котёнок, пялилась на него расширенными глазами, хлопая ресницами. Ему нравилось, как он вводил её в ступор, но это не поможет работе, поэтому он вновь вздохнул, беря горшок с амариллисом и ставя к себе.

— Было бы прекрасно, если бы ты наконец открыла свой рот и сказала хоть что-то.

— Разумеется, знаю! — резко ответила Полина, скривившись от высоких нот. — Знаю, может, больше, чем ты.

Саша вскинул брови, выглядя впечатлённым.

— Какую погоду любит амариллис?

Он решил не откладывать теорию на потом. Всё можно делать параллельно. Он продолжал задавать вопросы, на которые Полина покладисто отвечала.

— Не очень жаркую, но и не очень холодную. Нейтральную.

— Оптимально?

— От восьми до пятнадцати градусов. Идеально было бы около одиннадцати.

— Как часто его поливают?

— Один раз в неделю.

— Требуется ли ему пересадка?

— Ну разумеется, да, — она не сдержала раздражённости в своём тоне, заслужив быстрый взгляд от Фихнеева, кото-

рый продолжал стоять, опираясь на стол руками, между которыми красовался цветок, который он рассматривал.

— И когда это происходит?

— У них есть неактивные месяцы. Обычно весной. На первых неделях лета можно его пересадить.

Саша кивнул, беря в руки маленькую лопатку.

— Как правильно пересаживать цветы?

— Ты решил устроить мне срез по ботанике? — Полина вскинула брови, выглядя удивлённой.

Она действительно не понимала, почему за последние пять минут он не сказал ни одного глупого слова, вылетевшего из грязного рта. Саша Фихнеев — это не Саша Фихнеев, который спрашивает о цветах.

Он наглый, самовлюблённый и самодовольный петух, который любит распушать свои крылья.

— Даже если да, ты должна отвечать на вопросы, — сказал он, не взглянув на неё.

— Я не должна отвечать на твои тупые вопросы, Фихнеев. Какого черта ты делаешь в оранжереях моей матери? — она зашипела, словно кошка, сузив глаза.

Он вновь посмотрел на неё, выглядя не впечатлённым от её злого тона.

— То же самое могу спросить и у тебя, Иванова.

Она вздёрнула нос, и он не сдержал смешка.

— Перестань задирать свой чёртов нос к небу. Тебе уже не пятнадцать, чтобы показывать какое-то превосходство пере-

до мной. Мы не в школе.

Полина фыркнула, изображая обиженную особу. Саша узнал это глупое фырканье. Оно значило лишь одно.

— И на что ты могла обидеться?

Не впечатлило. Она осталась такой же нежной обиженной, как и раньше.

— Меня обижает одно твоё существование, Фихнеев. Ты — это выброс гнили в атмосферу. И как можно дышать этим воздухом?

Полина причмокнула языком, вздыхая.

— Я рад, что ты по-прежнему считаешь меня гнилью, но не забывай, что и твоё рыльце в пушку. Серьёзно, водка в бутылке из-под колокольчика на школьном празднике, где куча училок и директриса? — он подмигнул, усмехаясь.

Иванова зарделась, поджимая губы и опуская взгляд в стол. Конечно, он должен был вспомнить этот правильный момент.

— Ладно, раз ты закончила показывать свои коготки, давай приступим к работе. У нас есть десять горшков с непересаженным амариллисом, — он кивнул на стол, заставленный цветами.

— Их нужно было пересадить месяц назад.

— Если бы ты пришла не в июле, то, может быть, они были бы уже пересажены.

— Отвали.

— Спасибо. Я обильно полил их позавчера, так что мы

можем приступить к работе. Надень перчатки и возьми лопатку.

Полина осталась стоять, сделав вид, что не расслышала приказного тона. Ей абсолютно не нравилось такое положение вещей. Фихнеев может ей командовать.

Никогда. В. Жизни!

— Иванова, тебе подарить слуховой аппарат? — спросил Саша, черпая землю лопаткой у корней.

— Отвали.

— Спасибо. Теперь надень перчатки и возьми лопатку. Горшок выбери сама, но рекомендую самый маленький. Вдруг не справишься, — он хихикнул, продолжая избавляться от лишней земли, чтобы вытащить куст без повреждений.

Она фыркнула, поняв, что он бросал ей вызов. Думал, что она не сможет справиться с таким лёгким заданием, как пересадка амариллиса. Полина не работала с ним, но была бы рада сделать это. Но не потому, что заставил Саша, а потому что хотела сама.

Полина взяла перчатки, оглядывая их со всех сторон.

— Они не заражны, идиотка, — шикнул Саша, продолжая аккуратно избавляться от земли.

— Очень в этом сомневаюсь.

Она быстро натянула их, разглаживая между пальцев. Затем взяла маленький горшок и поставила перед собой, внимательно глядя на Сашу, который с филигранной аккуратностью выгребал лишнюю землю только у стебля. Он пере-

кладывал старую землю в контейнер, который практически был полным.

— Вы собираетесь выкинуть эту землю? — спросила девушка.

— Да. Она уже непригодна для использования. Тем более, если цветок болен, земля недостаточно обладает полезными свойствами.

Он был впечатляющим. Ошеломительным. Иванова представить не могла, что он настолько хорошо знает уход за цветами.

Она моргнула, засмотревшись на его горшок.

Полина взяла лопатку и начала аккуратно подкапывать стебель. Она выкидывала землю в контейнер, продолжая черпать слишком мало. Прикусив нижнюю губу, она взяла земли побольше, когда заметила, что Саша вскопал предостаточно, чтобы достать куст.

Она поторопилась, и её лопатка саданула по стеблю.

— Ауч! — воскликнул Саша, и она вздрогнула всем телом, испуганно вскидывая на него глаза. — Будь нежнее. Это же цветы, Иванова.

— Отвали. Я делаю так, как умею.

— Ты же говорила, что тебе нравятся цветы. И что ты так хорошо знаешь, как за ними нужно ухаживать.

Полина покачала головой.

— У меня были сезонные цветы. С комнатными я не обращалась.

— За то, что ты стукнула его по стеблю, тебе можно дать по лбу, — цокнул языком Саша.

— Отвали.

Казалось, что это её новое любимое слово. Она надеялась, что он всё-таки отстанет от неё и продолжит раздавать указания.

И когда же она согласилась плясать под его дудку?

— Спасибо. Так, ты вскопала достаточно, — он остановил её, когда она вновь поднесла лопатку, чтобы зачерпнуть землю.

Полина резко остановилась.

— Уверен?

Она одарила его скептическим взглядом.

— Да. Ты взяла маленький цветок, и он посажен не так глубоко, как мой, — он поправил перчатки. — Теперь по максимуму отодвинь землю от стебля, чтобы при вытаскивании не повредить корни.

— Почему это нельзя сделать лопаткой?

— Потому что ты достаточно вскопала.

— И всё же...

— Иванова, ты совсем отупела со своей ужасной компанией?

Он выглядел раздражённым, и Полина не смогла сдержать улыбки. Ей удалось вывести его.

Саша сделал вздох.

— Ты избавилась от лишней земли, чтобы аккуратно до-

стать цветок. Этого достаточно, но недостаточно для того, чтобы максимально осторожно достать его, не повредив корни.

Полина кивнула, просовывая руки в землю и отгребая от ствола.

Саша делал то же самое, только чуть-чуть быстрее и аккуратнее, чем она. Несколько комков высыпалось из её горшка, и она не смогла сдержать разочарованного вздоха.

— Аккуратно извлекай корень из земли, — Фихнеев прикусил нижнюю губу, полностью доставая цветок.

Она впиалась глазами в ровный ряд зубов, впившихся в розовую плоть. Полина моргнула, теряясь на мгновение.

Иванова аккуратно начала доставать цветок из земли, бережно держась за тонкий стебель. Она неосознанно высунула язык, прикусив его зубами.

— Отлично, — сказал Саша, наблюдая за её работой. — Теперь осмотри корни.

Полина нахмурилась, прищуриваясь, чтобы оглядеть каждый корень, и увидела, что несколько белых паутинок казались болезненными.

— Что скажешь?

— Думаю, что система корней слегка больна, — она посмотрела на него неуверенным взглядом, пожимая плечами.

— Да, это так. Тебе нужно аккуратно срезать эти места, не повредив остальные корни. Возьми ножницы, — он кивнул на стол, где лежали несколько пар ножниц.

Она послушно взяла ножницы правой рукой и готова была отрезать несколько проблемных участков, но Саша шикнул.

— Стоп. Посмотри на мой цветок.

Полина подняла глаза и сразу же остановилась на идеальных корнях зрелого цветка, который не требовал отрезания проблемных участков.

— Что думаешь?

Он покрутил его, давая Полине лучший обзор.

— Думаю, твой цветок здоров.

Она не хотела рассматривать его работу дольше, чем три секунды. Ей было неинтересно.

— Это не так, — он покачал головой и повернул цветок другой стороной, показывая чёрные корни. — Здесь активно цветёт грибок, и он захватил достаточно приличный участок, который нужно срезать. Нам нужно избавиться от вредителей прежде, чем он захватит все корни. Иначе придётся избавиться от всего цветка.

— Это не нарушит систему корней? — спросила девушка, наблюдая, как Саша начинает методично отрезать поражённые болезнью корни.

— Ну, учитывая, что стебель не особо большой и цветение состоялось, не думаю. Возможно, он больше не зацветёт, но мы узнаем об этом немного позже. Отрезай свои корни.

Полина аккуратно подрезала корни, откидывая их в контейнер с землёй на выброс.

Саша тем временем отошёл от стола и принёс маленькое

ведро с прозрачной жидкостью. Он поставил его посередине, окуная туда корни.

— Это разведённая перекись водорода. Обеззараживаем корни.

— В качестве дезинфицирующего средства можно использовать фунгициды, — сказала Полина, но послушно опустила корни в перекись.

— Можно, но мы работаем в теплицах, поэтому лучше использовать биопрепараты. Химические растворы нужно распылять вне помещения, а это опасно ввиду того, что нас посещают различные экскурсии.

— Они не опасны, — воспротивилась Полина, но тут же была пресечена твёрдым словом.

— Они также могут не нести полезных качеств для остальных растений.

Саша достал свой цветок из раствора и тщательно осмотрел его со всех сторон. Полина сделала то же самое и посмотрела на парня, который пододвинул маленький контейнер с угольным порошком.

— Этот порошок надо аккуратно посыпать на проблемную зону.

— Разве не рациональнее полить землю, например, фитоспорином, вместо обработки корней? Мы удобрим землю, и она впитает полезные свойства, — она вскинула брови, внимательно смотря на Сашу.

— Этим займутся уже другие. Нам необходимо сделать

хорошую посадку, а поливом займутся специалисты.

— И как же они поймут, какие цветы стоит поливать, а какие нет? — Полина выглядела озадаченной.

— Мы повязываем горшки лентами. Если лента красная — цветок нуждается в поливке с лечебным препаратом. Если лента зелёная — цветок полностью здоров и готов к цветению.

— И сколько таких лент?

Полина и вправду была сильно возбуждена от интереса. Ей и в голову бы не пришло выстроить такую сложную схему. Она бы поливала всё, если бы это было необходимо.

— Пять: красная, зелёная, белая, чёрная и жёлтая.

— Что означают другие ленты?

— Это ты узнаешь по ходу работы. Приступай к посыпке! — Саша уже нанёс угольный порошок на места среза.

Полина быстро нанесла порошок, аккуратно задевая выходящие корни.

Фихнеев аккуратно положил цветок на стол и отошёл к стеллажу, на котором стояли пустые разнообразные горшки. Он взял тот, что побольше, и тот, что поменьше.

Затем взял два маленьких контейнера. Он выглядел слегка озадаченным, и Полина вскинула брови, когда он смачно выругался.

— Чёртовы варвары.

— О чём ты?

— Кажется, у меня забрали дренаж.

Он оглядывал теплицу в поисках дренажа, и Иванова фыркнула, складывая на груди руки. Она была недовольна.

— Великого цветовода обокрали.

Саша смерил её раздражённым взглядом и, стянув перчатки, вышел из теплицы, оставляя её подкол без ответа.

Полина скучала недолго. Она успела ещё раз осмотреть корни и теплицу, которую не стала разглядывать при первом появлении. Была слишком занята душевными переживаниями из-за совместной работы с Сашей, но всё шло слишком гладко. Она ждала подвоха, но его пока что не было.

Фихнеев работал складно, без лишних слов и демагогии. Он хорошо разбирался в цветоводстве, и это приятно удивило её. Он добросовестно и качественно относился к работе, выполняя её на сто процентов, а не вполсилы.

Полина огляделась. Высокие стеллажи были заставлены пустыми и полными горшками, удобрениями. На нижних полках лежала земля в мешках и несколько чистых контейнеров. Раковина в другом конце теплицы. Посередине стоял железный стол, на котором происходил рабочий процесс. Он был продолговатый, прямоугольной формы с закруглёнными углами.

На удивление, теплица была чистой и ухоженной, будто в ней постоянно работали, хотя, если верить словам Гоги, она была заброшенной.

Она вдруг задумалась над тем, что Саша работает в соло, отдавая всё своё время этой теплице. Сделала себе пометку

в голове, чтобы узнать, почему он работает один.

Саша вернулся с раскрытым пакетом дренажа, выглядя злее, чем когда уходил. Полина вздрогнула, когда он повалил мешок на стол и из него высыпалось несколько твёрдых комков.

— Утрамбовывай низ горшка.

Полина начала сыпать дренаж в старый горшок, и Саша цокнул языком.

Она резко остановилась, поднимая на него взгляд.

— Зачем тебе новый горшок, Иванова? Этот необходимо отдать на чистку.

Она округлила глаза, когда поняла, что перед ней стоял идеальный белый горшок.

Прикусив губу, она тут же пересыпала дренаж в другой горшок.

— Насыпай почвосмесь отсюда, — он протянул руку и указал на контейнер со свежей землёй.

Полина щедро сыпала сверху землёй, а затем остановилась, чтобы взять несколько горстей песка. Саша никак это не прокомментировал, поэтому она подумала, что была на правильном пути.

Взяв свой цветок, она аккуратно посадила его посередине горшка, а затем начала медленно засыпать субстратом, используя лопатку. Она придерживала стебель одной рукой, а второй продолжала утрамбовывать землю.

Когда Полина отложила лопатку, распределяя рукой зем-

лю, Саша сказал:

— Повяжи его красной лентой.

— Где я могу её взять? — она посмотрела на него в ожидании.

Парень оторвался от своего цветка и кивнул подбородком за её спину. Она тут же повернулась и увидела коробку, в которой были отсеки с разными атласными лентами.

Взяв одну, Полина обмотала её вокруг горшка и завязала бант.

Саша быстро насыпал землю, а затем всё распределил маленькими граблями, которыми Полина решила не пользоваться. Он взял ленту, повязав её посередине коричневого горшка.

Он выдохнул, подняв голову, и усмехнулся.

— Ну что, осталось ещё восемь.

Полина чуть ли не зарычала. Она успела позабыть о нежности, с которой нужно обращаться с растениями.

Саша взял её горшок с пересаженным цветком и поставил на свободную полку.

— Возьми тот, у которого выгорели листья, — он указал ей кивком на восемь горшков, которые ждали своего часа.

Она послушно взяла горшок с израненным цветком и строила печальное выражение лица. Ей было жалко погибающие цветы, и она готова была исправить это.

ГЛАВА 5: МЫСЛИ И РАЗГОВОР

Полина продолжала пересаживать амариллис, бросая озадаченные взгляды на Фихнеева, который был совершенно нормальным.

Что значит «совершенно нормальный»?

Это когда обидчик твоего детства ведёт себя так, словно не знает тысячи и одного оскорбления в твою сторону.

Он кратко напоминает о каждом шаге и следит за тем, чтобы работа была выполнена правильно. Не критикует и не шпынует, напоминая о прошлом. Он ответственно подходит к уходу за цветком, не забывая расспрашивать Полину о тонкостях амариллиса. Когда она отвечает неправильно, он исправляет её.

Полина пересаживала третий по счёту цветок, когда поняла, что пребывает в настоящем шоке от Саши Фихнеева. Она никак не ожидала, что он будет таким.

Бросая на него загадочные взгляды, Полина испытывала его спокойствие. Конечно, он видел, как она на него смотрела. Вернее сказать, сверлила своими голубыми глазами, искрящимися удивлением.

Он — это сочетание неправильной правильности. Она представить себе не могла, что он настолько разбирается в цветоводстве. По крайней мере, по шестнадцатилетнему Саше не скажешь, что он любитель копать в земле. Возмож-

но, он умело скрывал свои навыки под маской холодного и насмешливого подростка, чтобы не облажаться перед друзьями.

Если вспомнить его друзей, вряд ли можно сказать, что его заботило их мнение. Саша был сам по себе, несмотря на большую компанию. Он следовал своему внутреннему голосу, а не зову общественности.

Саша скрупулёзно работал над самыми большими горшками с амариллисом, не забывая комментировать работу Полины. Он делал значимые вставки, чтобы она не облажалась.

И она готова была его поблагодарить за это, но сдержалась. Он оставался для неё обидчиком, которого она не могла переносить, но работать с ним было достаточно приятно. Почти приятно!

Как бы ей ни хотелось признать собственное поражение, но от прошлого Фихнеева, которого она запомнила со школьных скамей, не осталось и следа. Казалось, что он «вырос» из своих старых глупых шуток. Это воспринималось странно, будто в тело внедрялось инородное нечто, которое никак не желало уживаться.

Когда Полина пересаживала последний горшок, она с облегчением выдохнула, потому что цветок был самым здоровым из всех тех, что ей удалось пересадить.

Саша куда-то отлучался вместе с горшками, и она надеялась, что он относил их к специалистам по поливу.

Иванова до сих пор находилась под впечатлением от вы-

строенной работы в оранжереях. Ничего лишнего — только работа. И только хорошая работа под чутким наблюдением наставников.

Она была в замешательстве оттого, что Саша Фихнеев — тот самый, который никогда не подавал вида, что любит цветы, — был её наставником и оказался практически гениален в своей деятельности.

Он вернулся в теплицу, вытирая влажный пот рукой, и она невольно засмотрелась на его крепкие мышцы, обтянутые чёрной футболкой, которая натянулась при поднятии руки.

Полина залилась краской, отворачиваясь от него и крепко завязывая на последнем горшке зелёную ленту.

Но это не осталось незамеченным для Фихнеева, который, вскинув брови, посмотрел на алые щёки Ивановой.

— Понравилось?

Она положила руки на стол и, выгнув бровь, посмотрела на него.

— Понравилось что?

— Любоваться мной, разумеется, — он усмехнулся, делая несколько шагов вперёд, чтобы взять горшок с амариллисом.

Она закатила глаза, цокая языком.

— Было бы чем любоваться, Фихнеев.

— Не красней, Иванова.

— Я и не краснела, идиот!

— Ты определённо покраснела.

— Отвали.

— Спасибо, но ты всё равно красная, как чёртов рак.

Она спешно приложила тёплые ладони к разгорячённым щекам, выпуская тяжёлый вздох.

— Отвали, пожалуйста. Мы закончили с амариллисом?

— Да, но... — он с сомнением поджал губы. — До скольких у вас курсы?

— Сказали, что до четырёх, — Полина оторвала ладони от лица, когда поняла, что приложилась к нежной коже грязными перчатками.

— Ещё немного, и ты будешь похожа на Маугли, — Саша дёрнул уголком губ. — Если тебе нужен перерыв, ты можешь взять его, но не более пятнадцати минут.

— Разве мы не всё?

Полина пропустила мимо ушей его издевку, смотря на наручные часы, которые показывали почти два часа дня. Вскоре должна была приехать Ольга и забрать её на обед.

На обед, который закончится разговором с пристрастием.

— Ну, ты, может, и всё, а я — нет.

Он крепче перехватил горшок с пересаженным цветком и внимательно посмотрел на Иванову, сканируя и оценивая выражение её лица. Полина стала задумчивой.

— Я... Меня мама заберёт на обед, — быстро начала лепетать девушка. — И я не знаю, вернусь ли сюда.

Саша понятливо кивнул.

— Хорошо.

Он больше ничего не сказал. Вышел из теплицы в обним-

ку с цветком, и Полина вдруг отчаянно захотела крикнуть вдогонку, что вернётся после обеда, чтобы продолжить курсы, но желание испариться отсюда, чтобы переварить сегодняшнее утро, было слишком сильным.

Она стянула с рук перчатки, оставляя их на столе. Раздражённый выдох сорвался с губ, когда она покачала головой и всё-таки вышла из прохлады, подставляясь под палящие солнечные лучи.

Полина двинулась в административный домик, чтобы избавиться от грязи на лице.

Она быстро миновала Вику, которая усиленно стучала пальцами по клавиатуре. Стянув фартук и пройдя в уборную, где в отражении зеркала увидела, что грязь была не только на щеках, к которым она притронулась грязными перчатками, но и на лбу, и на носу.

— Ну точно, как Маугли. Или вообще... Ярый огородник.

Полина поморщилась и начала оттирать землю от лица тёплой водой.

Она переделала распавшийся хвост на волосах, подхватила рюкзак и вышла из домика, встречая маму, которая сидела в машине и говорила по телефону.

Полина бросила взгляд на оранжереи, прикусывая нижнюю губу.

В её голове пронеслась мысль: «Никудышный из меня помощник».

Саша прикурил сигарету, стоя за административным домиком. Он видел, как Иванова села в красную Kia Rio и покинула территорию Садов.

Ему требовался допинг в виде табака и кружечки кофе. Работать с ней оказалось не сильным мучением. Полина оказалась вполне способной и понятливой, что касалось цветов.

Она изредка кривила свои пухлые губы и морщила носик, когда что-то не получалось с первого раза.

Не вступала в демагогию и разглагольствования, почему должна слушаться своего ярого школьного обидчика.

Она вела себя абсолютно нормально, будто между ними нет мрачного прошлого. Не обижалась и реагировала не слишком агрессивно на некоторые фразы. В ней появилось спокойствие, чего раньше не наблюдалось.

И, конечно, Саша в тысячный раз убедился, что она стала краше. Нет этих намалёванных чёрных глаз, которые выглядели слишком комично. Она будто специально красила их так, словно пыталась превратить красивые глубокие глаза в подобие едва открытых щёлок.

Иванова естественная и приземлённая с минимальным количеством макияжа (если он вообще был), в простых легинсах, огромной футболке и фартуке.

Он даже на минуту подумал, что она выглядит слишком по-домашнему.

Саша увидел Олесю с Артёмом, которые вышли из своих теплиц. Они выглядели слегка уставшими, но улыбкавыми.

Он выбросил окурок в урну и двинулся к ним.

— Можно, конечно, — сказал Тёма, когда Саша подошёл к ним.

Он оглядел их фартуки, измазанные землёй, и не смог подавить улыбку. Олеся выглядела растрёпанной, и в её волосах застряло несколько комочков грязи.

— Поедешь на карьеры? — спросил Пестеренко, смотря на Сашу.

— Опять?

— Надо успеть искупаться, пока погода хорошая, — Лоскутова сморщилась, когда задрала голову на Фихнеева.

— Может, лучше на пляж? — предложил Саша.

— Любимовку? — уточнил Тёма.

— Там, наверное, не протолкнуться, — Олеся вновь убрала волосы, мешающиеся глазам.

— Сейчас нигде не протолкнуться, — сказал Пестеренко, закатив глаза. — Балда, — он легонько хлопнул девушку по лбу. — Парни хотели на Омегу съездить в пятницу.

— Слава и Димон? — спросил Фихнеев.

— Да. Там какое-то шоу будет, и они хотят побывать на нём.

— Водная аквааэробика с главным героем — Артёмом Пестеренко, — похихикала Олеся, посмотрев на парня. — Наденешь розовые утягивающие плапочки, чтобы каждая фифа была твоей?

— Для тебя могу вообще не надевать, — фыркнул он, за-

катив глаза.

Саша вытянул лицо, бросая озадаченные взгляды на парочку. Олеся зарделась, высовывая язык, а Артём вновь хлопнул её по лбу.

— Хватит так делать! — воскликнула рыжая, отразив удар на него, но в грудь. — Бесишь!

— О... Сейчас начнётся, — пробормотал Фихнеев, смотря, как Лоскутова прищурилась, складывая на груди руки, а Артём упёр кулаки в бока.

И...

— Заноза.

— Козёл.

— Дура.

— Тупица.

— Курица.

— Петух!

Саша кашлянул, привлекая к себе внимание. Они тут же перестали оскорблять друг друга, уставившись на Фихнеева.

— Тогда на карьеры, ладно? — сказал он, доставая перчатки из кармана фартука.

— Ладно! — сказали они в унисон, начиная переглядываться.

— Я заеду за тобой в пять, — сказал Саша Артёму, который кивнул. — Тебе хватит времени, чтобы надеть розовые трусики?

— Э! — Пестеренко округлил глаза. — И ты туда же?

— Ладно, пора за работу! — улыбнулся Саша.

Он пошёл в сторону пятой теплицы, где ещё недавно делал работу с Полиной.

Саша вполне естественно отнёсся к тому, что девочка отработала до двух часов, а потом умотала в закат. Он понимал, что ей не понравилось работать с ним в паре. Напряжение, появившееся ещё с момента собрания в первой теплице, никуда не исчезло. Оно сопровождало все три с половиной часа, пока они работали над пересадкой амариллиса.

Он вошёл в пятую теплицу и увидел на столе грязные перчатки, оставленные Полиной.

Она оставила после себя не только перчатки, в которых работала, но и лёгкий шлейф сладких духов, и чувство напряжённости.

Он оглянулся по сторонам, будто впервые был на своём рабочем месте.

— Ну-с... Продолжим, — сказал он, подходя к мимозе.

— Саша Фихнеев, серьёзно? — спросила Полина, когда официант принял заказ и удалился от них.

Ольга вскинула брови, уставившись вопросительным взглядом на девушку, когда поёрзала в мягком стуле и заняла более удобную позу.

Позу для нападения в обиняках.

— Ты мне пытаешься что-то сказать, Полина?

— Да! Мам, чёртов Саша Фихнеев, с которым я училась

одиннадцать лет, теперь мой наставник в этом чёртовом клубе!

Полина рычала, словно кошка. Она защищалась непонятно от кого или от чего.

Ольга огляделась по сторонам, проверяя, не привлекли ли крики дочери пристального внимания. Соседний занятый столик в кафе «Бистро», который разделила молодая пара, остался равнодушен.

— Поскромнее.

Ольга сделала выразительный взгляд, как бы намекая, что в общественном месте не стоит исходить вспыльчивыми эмоциями.

— И что в этом плохого? Александр очень способный молодой человек, который знает своё дело. Я не ожидала, что он запишется в клуб. Кстати, это я про него говорила утром.

— Ты могла бы сказать, что человек, которого я ненавижу всей душой, бегает по оранжереям и пересаживает цветы!

Полина не собиралась фильтровать ни эмоции, ни слова. Она была настолько зла, что после того, как залезла в машину, ограничилась лишь повторным приветствием. Дорога до кафе была молчаливой и очень напряжённой.

Она не хотела поднимать этот вопрос, пока они не сядут в тихое место. Процент остаться без обеда в компании мамы был слишком велик, начини она разговор по дороге.

— Он хороший, Полина.

— Он хороший только потому, что ты не знаешь, что он

делал со мной в школе!

— И что же он делал? — спросила Ольга, скрестив лодыжки под столом и внимательно посмотрев на дочь, которая краснела от злости и буквально задыхалась от негатива.

— Он отравлял мою жизнь, мам! Представляешь? Все одиннадцать школьных долбанных лет он делал всё для того, чтобы я его ненавидела! И я даже не хочу знать, по каким таким критериям ты называешь его «хорошим»? Он не хороший! Не. Хороший.

— Он прекрасен в цветоводстве, — женщина пожала плечами, не понимая гонора дочери. — Школа, как и юношеский максимализм, остались в прошлом. Он уже не тот задира.

— Он остался им. Задирой. Тупицей. Я уверена, что он прячет свою гниль подальше, чтобы не разочаровывать тебя, мам!

— Полин, мне с ним не вести светские беседы, — начала Ольга, сплетая пальцы в замок. — Он отличный садовод, и я удивлена его творческому подходу. Порядок в пятой теплице — это его заслуга. И не только в пятой, но и в третьей оранжерее. Он много трудится, и я считаю, что это замечательно. Какой он внутри — мне всё равно. Главное — выполнять работу и следовать моим указаниям, а остальное меня не волнует.

Полина понимала, почему мама так говорит. Она была абсолютно права, но не тогда, когда её дочери придётся делить

работу с этим самовлюблённым, наглым и слишком самоуверенным типом следующие две недели.

— Я не могу вернуться в оранжереи, — просипела девушка, обидчиво поджав губы.

Она встретила вопросительный взгляд мамы.

— Я не хочу работать с Фихнеевым в паре.

— Георгий поставил тебя с ним в пару?

— Представь себе! Не знаю, чем я такое заслужила, но какие-то невысказанные силы и боги решили поиздеваться надо мной! — она фыркнула, отводя взгляд.

— И что же? Тебе настолько не понравилось с ним работать? — Ольга вскинула бровь в недоумении. — Он превысил полномочия? Как-то оскорбил тебя?

— Нет, — Полина поражённо выдохнула, покачав головой.

Она действительно не заметила ничего такого, к чему можно было бы придраться. Саша блестяще исполнял свою роль наставника, показывая только сильные качества и не позволяя подумать, что он слабое звено в цветоводстве.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что я не хочу стоять с ним в паре.

— Это только твоя проблема, Полина.

Ольга вела себя так, словно являлась непосредственным руководителем Полины. Наверное, это одно из отрицательных качеств матери, которая проводила слишком тонкую грань между личной жизнью и работой.

Она понимала, что не стоило так разговаривать с собственным ребёнком, но Полине было почти двадцать, и она устраивала непонятную истерику, ссылаясь на давние школьные обиды.

— Александр — хороший специалист по цветоводству, и я не понимаю, почему ты так категорично настроена по отношению к нему. Тебя никто не заставляет разговаривать с ним. Вы напарники — это всё, что вас связывает.

— Мам, он...

— Я не хочу слышать, как он задирает тебя в школе, Полин, — устало проговорила Ольга, теряя всякий интерес к всплеску эмоций дочери. — Это осталось в прошлом. Сейчас ты без повода истеришь и хочешь сказать, что его присутствие в оранжереях — это не то, что ты хотела бы. Интересно, как ты собиралась остаться вместо меня, не зная, что он проводит там очень много времени? Ты бы что, уволила его? — она иронично усмехнулась.

Полина покраснела, начиная сгорать от стыда. Из головы вылетело недавнее предложение мамы о замещении. Она забыла! Забыла, что предлагала свою помощь в присмотре за Садами.

— Либо ты посещаешь эти курсы, следишь за цветами и работаешь в паре с Сашей, либо не лезешь в цветоводство совсем.

— Мам, я не твоя подчинённая.

— Ты сегодня подписала соглашение, так что отчасти ты

являешься подчинённой, Полина. Я пытаюсь тебе сказать, что работать в паре с Сашей — это не худшее, что могло с тобой случиться.

— И что может быть хуже? Нет ничего хуже, чем работать с ним! — она сказала это достаточно громко, чем привлекла внимание нескольких посетителей, которые оторвались от еды и посмотрели на них быстрыми, подозрительными взглядами.

Она вздохнула, придвинувшись к столу и уперев в него локти.

— Прекрати истерику, Полина.

— Нельзя ли поменять наставника? — спросила она с оттенком надежды.

— Нет. Пары уже распределены, и у каждой есть свой набор обязанностей, которые они должны выполнить за две недели. Тебе нужно потерпеть его всего две недели, десять, то есть уже девять дней — и всё, ты свободна.

— Мам...

— Полин, хватит. Ты завелась, словно пятилетний ребёнок, который не хочет есть кашу! — Ольга слегка понизила голос, делая его грубым и твёрдым.

— Мам!..

— Он хороший специалист в области цветоводства. Разве вы сегодня плохо пересадили амариллис?

Полина округлила глаза, смотря на неё понимающим взглядом. Откуда она могла узнать о том, чем они занима-

лись?

А потом... понятно кивнула.

— Гога...

— Гога? — хихикнула Ольга.

— Ага, — вяло отозвалась девушка. — Ты уезжаешь в воскресенье, — сказала она, прикрыв глаза.

— Да, и я вернусь как можно скорее, чтобы не оставлять тебя один на один с твоими призраками прошлого. Саша — это хорошая партия, чтобы весело провести время. И... Боже, Полина, ты лучше себя вела в шестнадцать?

Горячая струя лавы ударила Полину в грудь, и она глубоко втянула носом воздух, начиная испепелять маму гневным взглядом.

— Это совершенно разные вещи.

— Для парня, который задирает девчонку, потому что она может ему нравиться, — это неплохо. Для девочки, которая не видела ничего, кроме бесконечных гулянок с какими-то отбросами, — это плохо.

Полина мысленно зацепилась за фразу: «...потому что она может ему нравиться». Это было слишком глупо даже для такого, как Фихнеев. Она видела девочек, которые ему нравились, и Иванова не входила в их типаж.

Хотя, был ли у него этот типаж?

Она не обратила внимания на очередной подкол от мамы. Полина понимала, что её шестнадцатилетнее буянство не пройдет бесследно, поэтому продолжала при каждом удоб-

ном и не очень моменте огребать и заливаться румянцем стыда.

Полина заткнулась, не желая больше поднимать эту тему. Она поняла, что нет смысла даже обсуждать это, потому что мама останется при своём мнении, которое значительно разнится с её.

Она противостояла дочери, будто Саша — это самое лучшее, что случалось с ней за всю жизнь.

Полина ревностно шмыгнула носом, сжимая челюсти. Не такого разговора она ждала. Не защиты в пользу Фихнеева.

Да и как вообще можно было считать его хорошим? Он чёрт с косой!

Мама думала, что Саша — замечательный человек с золотыми руками и хорошими познаниями в цветоводстве.

Полина думала, что Фихнеев — это заноза в её заднице на все две недели, пока она будет работать с ним.

Она готова была разразиться ещё одной истерикой, но тут подошёл официант, держа в руках поднос с тушёной картошкой, салатом и супом.

Решив, что ещё не раз поднимет эту тему, она приступила к трапезе, хотя аппетит безнадёжно был испорчен.

ГЛАВА 6: КАРЬЕРЫ: ПЛЯЖ И СОЛНЦЕ

— И что, ты просто так оставишь это? — спросил Никита, закапывая пальцы в горячий песок.

После обеда Полина отказалась возвращаться в оранже-
реи. Она была настолько подавлена разговором с мамой, что
желание работать ещё два часа с Сашей Фихнеевым было вы-
ше её сил, поэтому после сытного обеда поспешила домой,
сказав маме, что договорилась с Никитой и Ритой сходить на
карьеры позагорать.

Конечно, она не договаривалась с друзьями о встрече. Ри-
та только-только вернулась с лагерной смены, где руководи-
ла тридцатью орущими детьми, и хотела побыть в тишине.
Никита был на своей волне, прожигая жаркое лето за беско-
нечными компьютерами, на которых зарабатывал в свобод-
ное время. В скором времени у него не останется времени
даже на редкие встречи с подругами, потому что он устраи-
вается специалистом технической поддержки в салон связи.

Пока Полина ехала в маршрутке, она решила, что всё-таки
обзвонит друзей и поинтересуется, не хотят ли они съездить
на карьеры. В будний день на пляже не должно было быть
много людей, но сейчас вовсю бушевал курортный сезон, во
время которого можно было отметить существенный приток

туристов.

Полина позвонила сначала Рите, которая поддержала эту идею, сказав, что не готова тратить неделю на сон, чтобы подготовиться к следующей смене, и добавила, что к трём часам подъедет к Ивановой.

Никита, на удивление, тоже согласился, хотя и разорвался, что ему срочно нужно переустановить Windows какому-то крутому чуваку, который доплатил за срочность.

И вот в четыре часа, когда они пришли на карьеры, где пляж был полностью забит, они обосновались на свободном месте, чтобы не теснить других. Расправив покрывало и сняв с себя одежду, они уселись, глотая прохладную воду и поедая сочную черешню.

Полина решила не таить последние новости, поэтому вывалила кучу всего на друзей, которые внимательно её слушали, не смея перебивать. Она до сих пор была на эмоциях, поэтому со стороны можно было подумать, что девушка истошно верещит на бедного парня, который от скуки или незнания, куда себя деть, зарывался ногами в песок.

Она рассказала всё: от разговора с мамой, где предложила выступить в качестве замены на период маминого отъезда, до последнего разговора. Полина вдавалась в яркие подробности первой встречи с Фихнеевым лицом к лицу, не упуская ни единой детали. Она настолько погрузилась в подробности, что не забыла отметить, каким он стал — красивым — после выпуска из школы.

Рита в какой-то момент перестала таскать из пакета черешню, уставившись на Полину неверящим взглядом. Она даже представить не могла, что подружка встретит своего обидчика в такой глупой ситуации и что он окажется нормальным. Рита продолжала молчать, когда Иванова закончила говорить.

Никита, вслушивавшийся в каждое слово Полины, ожил первым. Он перевёл внимательный взгляд на подругу, которая стащила с переносицы солнцезащитные очки и подставила лицо под палящие солнечные лучи.

— Ты же хороша в цветах, могла бы и надрать ему задницу, — продолжал говорить Никита.

У них — у этой троицы — была странная, но тёплая дружба.

Никита — это эпицентр мозга, который отвечал за логичность и практичность. Он был относительно спокойным и весёлым.

Рита — это центр взрыва, с которой можно за одну субботнюю ночь обойти несколько баров и выпить столько, что на следующее утро будет очень-очень-очень плохо.

Полина — это центр лени, холодного спокойствия и чопорности, который отказывался работать в полную силу, когда на горизонте появлялась вышеуказанная парочка.

Они хорошо начали общаться втроем после четвертого класса. Полину и Риту посадили вместе за вторую парту, а на первой сидел Никита, который очень хорошо разбирался

в математике и физике. Девочки быстро смекнули, что такой будет ценен и важен, поэтому потихоньку заводили с ним дружбу, хотя Трутнев и не особо был рад, так как понимал, почему его выбрали жертвой.

Как оказалось, Никита нуждался в списывании по русскому языку и истории. У него было плохо с грамматикой, поэтому он пользовался добротой Полины и списывал у неё самостоятельные работы по русскому языку, истории и обществу.

Рита Шмелева хорошо разбиралась в биологии и химии.

Их троица была почти непобедимой, так как они стояли друг за друга горой. Дружба, пронесённая сквозь года, осталась неизменной даже после девятого класса, когда Никита и Рита решили уйти учиться в колледжи. Полина бы с радостью последовала за ними, но тяжёлый разговор с мамой о выборе будущего перечеркнул все планы.

Несмотря на разные жизненные аспекты — ритм, занятость, нужность — они сохранили дружбу.

— Он не менее хорош, — выдохнула Полина, принимая поражение. — Может, даже лучше, чем я.

— Не говори ерунды, — проснулась Шмелева, фыркая и махая ладошкой. — Фихнеев всегда был засранцем. Не уверена, что он настолько хорош в цветах.

— Он сегодня пересаживал цветы, как будто занимается этим всю свою жизнь. Знал каждый чёртов шаг, что и за чем идёт, а ещё... Я готова признать, что он действительно хо-

рош в уходе за растениями.

Если Полина не могла признаться самой себе, что Саша Фихнеев — это смесь разных хороших качеств, то могла признаться, что он неплох в садоводстве.

— Не припомню, чтобы он говорил нечто подобное училке по биологии. Я помню, что он получил двойку по анатомическому срезу, — хихикнул Никита, растягиваясь на покрывале.

Девушки поддержали его хихиканье, и Полина вдруг почувствовала прилив бодрости от этого. Она выпрямилась, вспоминая не только похвалу учителей в адрес Саши, но и плохие моменты, когда его, мягко говоря, отчитывали за неподготовленность и растерянность.

Конечно, Фихнеев входил в ту категорию учеников, которые на вопрос: «Где домашнее задание?» — отвечали, что забыли его дома в другой тетрадке. В другой несуществующей тетрадке, если быть точной.

— Не знаю, что теперь делать, — Полина посмотрела на Риту, которая продолжала лакомиться ягодами. — Если я сдам позиции, мама подумает, что я больше не люблю цветоводство, и никогда не позволит мне следить за оранжереями, а если...

— Нужны тебе эти оранжереи, кукла? — спросила Шмелева, выгнув бровь. — Ты перестала нянчиться с цветами, когда тебе было шестнадцать. Не уверена, что спустя четыре года тебе должно быть это интересно.

— Нет, ну... Это интересно, и мне нравится этим заниматься, но не тогда, когда я вынуждена делить работу с другим человеком. Особенно если это Фихнеев. У бабули был огород, и мои клумбы идеально вписывались в гармонию с картошкой, — Полина хихикнула, поправляя лямки на курпальнике.

— Я думаю, что тебе нужно прислушаться к совету мамы, — сказал Никита, поглядывая на нахмурившуюся Полину, которая сузила глаза и метала стрелы неудовольствия в Трутнева. — Она, может, права в том, что работа с ним — это не самое худшее, что могло выпасть на твою долю. Если ты действительно решила, что тебе пора возвращаться к своему хобби, то будь терпеливой и пережди эти две недели, а потом командуй над ним, потому что у тебя особенное положение — ты дочь начальника Садов.

В словах Никиты была доля справедливости. Он здраво размышлял, основываясь не столько на прошлом, сколько на настоящем положении дел.

Она вдруг на минуту задумалась: хотела ли она основательно вернуться в цветоводство?

Когда-то уход за садом доставлял удовольствие, успокаивал и тонизировал душевное состояние, а сейчас, когда она этим не занималась из-за высокой занятости в университете, она не была уверена в своём стопроцентном решении о возвращении.

Прикусив губу, Полина взяла горсть черешни, отправляя

в рот по одной ягоде. Она старательно пережёвывала, когда в голове образовалась мысль.

«Может, это новый уровень, где нужно отбросить все предрассудки и рассмотреть в Фихнееве что-то хорошее?» — подумала Иванова.

«Человек, обидевший однажды, сделает это дважды», — твердил внутренний голос.

«Тоже верно», — согласилась Полина.

Полина пообещала себе, что обязательно прислушается и подумает над словами друга.

— Пошлите, искупаемся, — предложила Полина, поднимаясь с покрывала.

— Я только «за», не могу больше терпеть эту жару.

Рита с пыхтением поднялась, хрустя коленями. Она сморщилась и двинулась в сторону воды, где на мелководе плескалась одна детвора.

Никита поднялся и, дёрнув Полину за локоть, побежал к воде.

Иванова заколола волосы «крабиком», чтобы не замочить их. Встав на мокрый песок, она оглянулась на покрывало, на котором остались их личные вещи. Отвернувшись, она начала идти вглубь, чтобы мягко опуститься по плечи и проплыть несколько метров.

В идеале — до Никиты, который резво обогнал Риту, уносясь вдаль.

Саша едва нашёл место, чтобы припарковаться возле карьеров. Народу, прибывшего на пляж, было слишком много, и он залез в освободившуюся дырку чуть ли не в самом первом ряду, нагло не уступая место девочке на красной Mazda, которая петляла перед ними в поисках более широкого и удобного парковочного места.

Артём вышел из машины, помог выбраться девчонкам и взял две тяжёлые сумки, набитые покрывалом, водой, пивом и закусками. Пестеренко был отчаянно решительно настроен на алкоголь, когда заходил в магазин. Ему требовался конкретный отдых от дня, проведённого в душной теплице, где его пытались научить обхаживать садовые цветы.

Саша, выступая в качестве таксиста, ограничился апельсиновым соком. Он успел заехать домой, принять душ, переодеться и быстро перекусить перед тем, как собрать остальных.

В этот раз с ними решили поехать ещё пять человек из группы, с которыми Саша и Артём общались более-менее, так что компания собралась действительно большая. В общей сложности набралось около двенадцати человек. К счастью, таких таксистов, как Фихнеев, было трое, так что не пришлось морочиться, как, кого и откуда забрать.

Олеся с Машей убежали вперёд занимать выгодное место, где ребята смогут растянуть свои покрывала, Саша закурил, а Артём, Слава и ещё две девушки начали глушить пиво. Они медленно ползли в сторону пляжа.

Они вышли на деревянную тропку, уходящую книзу, прямо к пляжу, когда Пестеренко вдруг сказал:

— О, а это не та девчонка, которая с нами сегодня была в Садах?

Он мотнул рукой в неопределённом направлении, и Саша прищурился, чтобы понять, куда друг показывал.

Кроме заполненного людьми пляжа и пирса, Фихнеев ничего не увидел, поэтому посмотрел на Тёму с недоумением.

— И куда мне смотреть?

— Да вон! — он вытянул указательный палец вперёд, делая глоток. — Фифа в синем купальнике!

Саша вновь обвёл взглядом пляж, найдя нескольких девушек в синем купальнике. Он фыркнул, выкидывая окуроч в урну.

— Конкретнее?

— Девушка с чёрными волосами, в синем купальнике и с аппетитной задницей стоит на пирсе! — крикнул Тёма так громко, что впереди идущие однокурсники обернулись и посмотрели на него удивлёнными взглядами.

Саша закатил глаза, толкая Пестеренко локтем.

— Идиот.

— А чего не понимаешь?

Фихнеев внимательно посмотрел на пирс и заметил, как мелькнули чьи-то ноги и «аппетитная» задница перед тем, как тело полностью погрузилось в воду.

Он несдержанно цокнул языком.

— О ком вообще речь идёт?

— Ты слепошарая тупица, Сань, — Артём свернул на ветку деревянной тропки. — Господи... Сейчас она всплывёт, и ты узнаешь её.

Саша поставил пакет на расстеленное девушками покрывало и вновь посмотрел на воду, в которой было слишком много людей. Погоду можно было назвать аномально жаркой, поэтому даже в шестом часу вечера было столько народа, что буквально некуда спрятаться.

Пляж напоминал муравейник — слишком много людей, в том числе и детей, резвящихся на мелководье.

Некуда яблоку упасть.

Фихнеев стянул футболку через голову, складывая в угол, куда девушки уже скинули свои сарафаны. Он поднял взгляд, и его рот открылся в прозаичном «о», когда из воды, вытирая лицо, вышла она.

Грёбаная Иванова.

Её бёдра мягко покачивались при ходьбе. Грудь была надёжно спрятана под лоскутами синей тряпки, и он округлил глаза, когда она сжала полушария, с которых мгновенно начала стекать вода.

Рядом с ней остановилась никто иная, как Ритка Шмелева. Саша немного удивился, что кудрявые волосы, которые она так любила, были спрятаны в косу. На ней был чёрный отдельный купальник, не прикрывающий проколотый пупок.

— Не хватает третьего дебила в их компании, — прожужжал Фихнеев, но тут же закатил глаза, когда заметил, к кому подошли его бывшие одноклассники — к Трутневу. К человеку, который забывал или специально игнорировал существование парикмахеров в городе.

Его глаза безотрывно следили за Ивановой, которая усе-лась на песок, вытянув ноги и склонив голову к плечу Трут-нева.

— Ты понял, о ком я? — спросил Артём, проглатывая остатки пива из бутылки.

— Да, — рыкнул Саша, стаскивая шорты.

— Горяча, горяча, — Пестеренко избавился от одежды, оставаясь в чёрных плавках.

— А где же розовые трусики? — Олеся, сверкнув заин-тересованным взглядом, подошла к ним с открытой банкой пива.

— Лоскутова, у тебя какой-то странный фетиш на розо-вые мужские трусы, — сказал Тёма.

— Мне нравятся метросексуалы, — хихикнула рыжая, де-лая глоток.

Саша подавил смешок, взглянув на вопросительное лицо Пестеренко, который выглядел очень и очень озадаченным.

— Кто нравится? — спросил он.

— О, ты не знаешь? — рядом с Сашей материализова-лась Маша Ячнева, которая недвусмысленно взялась за ло-коть Фихнеева. — Не хочешь искупаться? — она построила

глазки, когда парень посмотрел на сцепленные ладошки вокруг его руки, а затем уставился на блондинку.

— Это выражение для современных мужчин, — Олеся еле сдерживала смех, пока Артём внимательно её слушал. — Которые, ну...

— Ну...? — поторопил Тёма.

— Ну, знаешь, которые...

— Лоскутова, быстрее!

— Которые тратят массу времени на совершенствование своей внешности, — девушка сжала челюсти, пытаясь не засмеяться, потому что Пестеренко округлил глаза до состояния блюдец.

— Ты совсем одурела от пива? — он дёрнул банку из её рук, вызвав приступ смеха.

Олеся зажала рукой рот, когда Артём рыкнул:

— За гея меня держишь?

— А ты что, гомофоб? — не удержалась Машка, продолжая цепляться за локоть Саши, который переводил озадаченные взгляды с бешеной парочки на захват Ячневой.

— Нет, но я точно не из тех самых!

— Из каких «из тех самых», Тёмочка? — Лоскутова строила невинность, хлопая ресницами.

— Я не из разряда гомосексуалов, Лоскутова. Хочешь проверить?

— Нет! — она вскинула ладошки, начиная качать головой.

— А ну, поддержи моё пиво, Саня.

Пестеренко тут же всучил банку с пивом Фихнееву, когда Олеся взвизгнула и начала бежать в сторону воды, но была нагло перехвачена Артёмом, который без особых усилий поднял девчонку, взвалив себе на плечо. Его ладонь игриво приземлилась на её попу, и Лоскутова начала верещать на всю округу.

Саша оставил пиво на песке, избавляясь от хватки Маши. Блондинка сегодня покоряла пляж белым купальником. Он заметил, что её треугольники на груди были слишком ничтожны, чтобы спрятать хотя бы половину. И трусы — это даже не трусы, как подумал Саша, а какой-то жалкий кусок ткани, который не прикрывал перед, и ничтожная ниточка между ягодиц.

Маша была соблазнительницей. Яркой противницей монашеских купальников, то есть сплошных, которые скрывают часть фигуры. Она показывала всем и каждому своё загорелое тело, ловя удовольствие от горячих взглядов со стороны мужчин.

Сам Саша взглянул на неё пару раз, не находя ничего, что ему бы понравилось. Ну, фигура была замечательной: округлая грудь, достойная внимания, подтянутая задница и плоский живот — это всё, чем можно довольствоваться. В мозгах у белокурой был сплошной не рассеивающийся вакуум.

Он был не против захватить Ячневу, потому что Олеся настояла на её присутствии, объяснив тем, что ей будет скучно.

И вот, посмотрите, Лоскутову кидают в воду, потому что она пыталась назвать Пестеренко геем, а Маша, притворившаяся дурочкой, строит глазки Фихнееву.

— Я купаться, — сказал он, начиная идти по обжигающему песку.

— Я тоже! — подорвалась Маша, аккуратно ступая за ним.

«Боже, праведный», — он закатил глаза, огибая двух мальчишек, которые нависли над мамой с просьбой дать им воды.

Он нашёл глазами Иванову, которая взобралась на пирс вместе со своей подружкой. Саша поменял траекторию следования слишком поздно, так и не успев подумать, зачем это сделал.

Он вступил на последнюю ступеньку, когда услышал довольный смех Полины:

— Рита, перестань. Никита мой друг!

Саша выгнул бровь, смотря вниз, где сидел Трутнев, вытянув длинные ноги.

— Он точно влюблён в тебя, бестолковая.

Шмелева, уперев руки в бока, ждала своей очереди прыгать. Перед ними стояло три человека, которые терпеливо ждали, пока прыгнувший всплывёт, чтобы не создавать непредвиденных водных чрезвычайных происшествий.

— А я тебе говорю: нет. Он мне говорил про какую-то Машу.

— Саш, ты хочешь прыгнуть отсюда? — пропищала Ячнева позади Фихнеева, и он вспомнил о существовании блондинки, которая тёрлась возле него.

Он резко оглянулся, смотря, как Маша, обняв себя руками, недоверчиво косилась на высоту пирса.

— Да, — ответил он, делая несколько шагов и тем самым приближаясь к бывшим одноклассникам.

— Маша? Тупая блонда, скачавшая фильм с вирусом на комп? — фыркнула Шмелева. — Она приходила к нему два раза. Первый, чтобы отдать ноутбук. Второй, чтобы забрать ноутбук.

— Нет, — выдохнула Полина. — Сказал, что они общаются.

Саша не понимал, почему стоял и слушал девчачий разговор.

— Ну... Ты уверена, что он с этой Машей общается? Он так схватил тебя!

— Обычное дело для него, — отмахнулась Полина.

Фихнеев окинул фигуру Ивановой взглядом, отмечая, что задница у неё была достаточно упругой и сочной.

Бледная кожа слегка покраснела, и он дёрнулся, когда представил, что потом ей будет больно.

Саша точно был уверен, что Полина не могла похвастаться естественным загаром после летних каникул. Она приходила на уроки с красным лицом, обожжённым носом, с которого слезала кожа, и болезненно относилась к моментам,

когда её касались по рукам и плечам.

Он сделал неутешительный вывод, что девушка не загорала, а сгорала на солнце.

На пояснице была россыпь мелких родинок, и он впивался взглядом в каждую, пока его не отвлекла новая реплика от Маши.

— Может, прыгнем вместе? Я боюсь.

— Не смейся, Маш, — фыркнул Саша, делая несколько шагов вперёд и оказываясь слишком близко к Ивановой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.